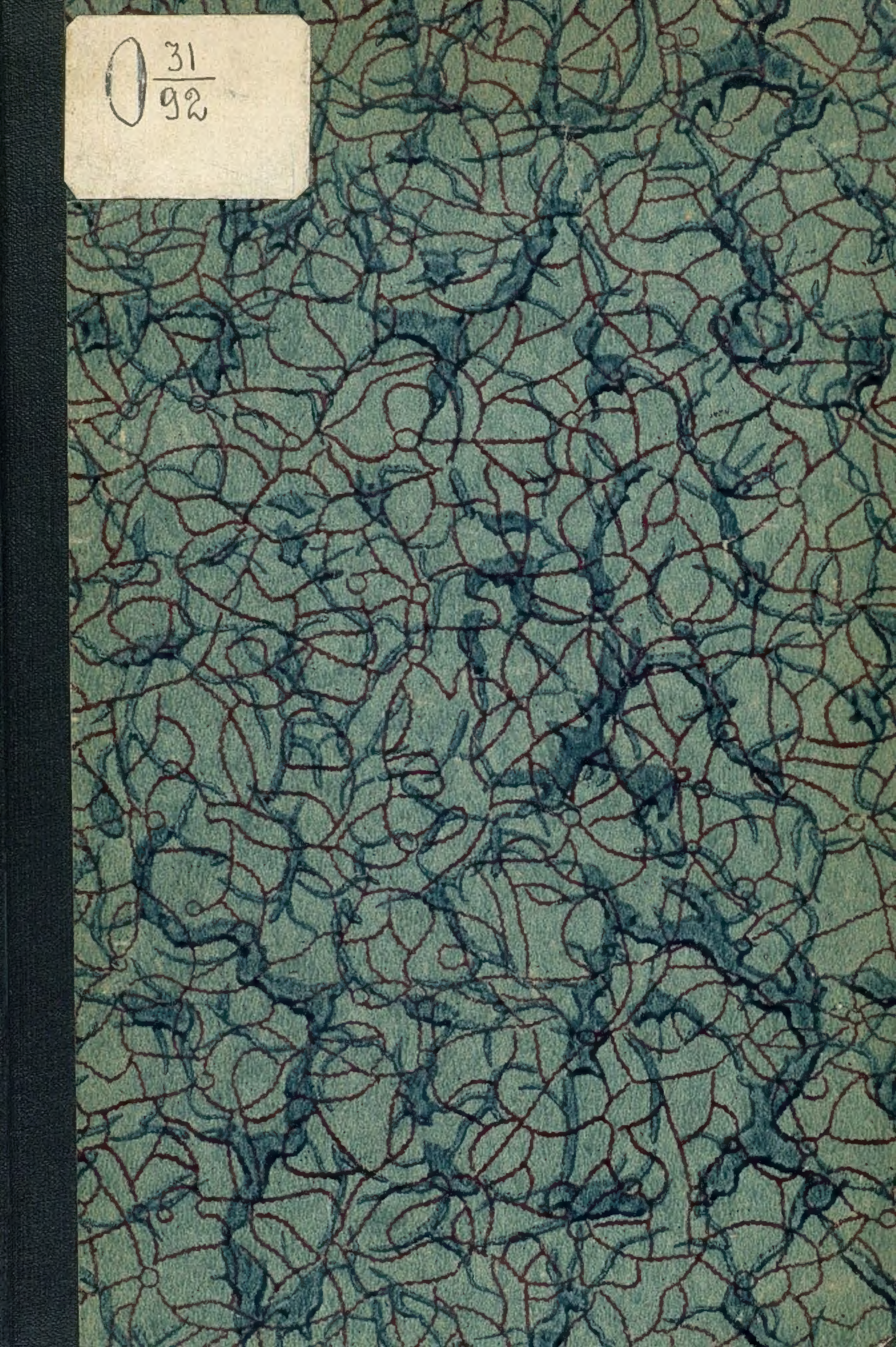
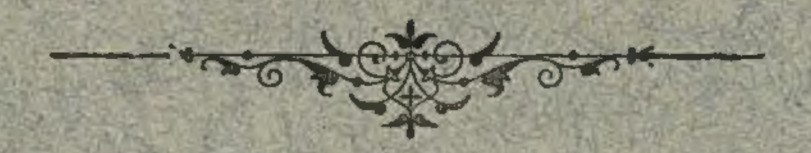

O 31/92

Священникъ Д. Ѳ. МАШКЕВИЧЪ,
Уфимскій Епархіальный Наблюдатель церковно-приходскихъ школъ.

О Христіанскомъ просвѣщеніи и русскомъ образованіи инородцевъ Восточной Россіи.

ОДЕССА.
Печатано въ типографіи Епархіальнаго Дома, Александровскій проспектъ, собственный домъ № 6.
1914.

Священникъ Д. Ѳ. МАШКЕВИЧЪ,
Уфимскій Епархіальный Наблюдатель церк.-приходск. школъ.

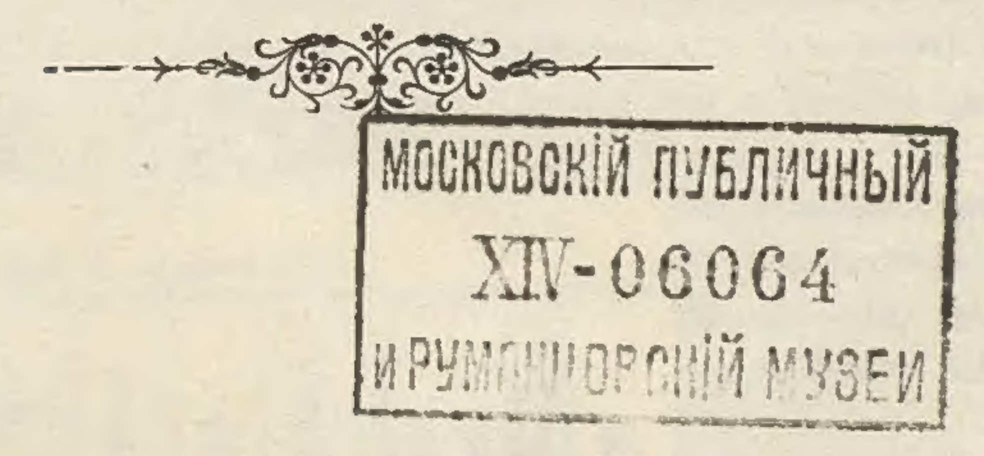
О Христіанскомъ просвѣщеніи

и русскомъ образованіи

инородцевъ

Восточной Россіи.

ОДЕССА.
Печатано въ типографіи Епархіальнаго Дома, Александровскій проспектъ,
собственный домъ № 6.
1914.

2007041729

О Христіанскомъ просвѣщеніи и русскомъ образованіи инородцевъ Восточной Россіи.

Глава I.

Объ образованіи и просвѣщеніи инородцевъ вообще.

Начало образованія инородцевъ Восточной Россіи относится къ 1557-му году, когда Святитель Казанскій Гурій, въ заботахъ о просвѣщеніи и образованіи инородцевъ этого края Россіи, открылъ два училищныхъ монастыря,—въ г.г. Казани и Свіяжскѣ. Сколько времени продолжалась учеба инородцевъ и какъ ихъ обучали здѣсь, слѣдовъ по этому вопросу, къ сожалѣнію, не осталось; извѣстно лишь то, что крещеныхъ инородцевъ обучали закону христіанскому и языку славяно-русскому*).

Спустя почти два столѣтія послѣ этого, въ 1735 году, Св. Синодомъ было предписано учредить четыре школы для обученія въ нихъ ново-крещенскихъ дѣтей изъ инородцевъ — русской грамотѣ „по алфавиту и слогамъ букваря съ десятословіемъ, часослова, псалтири и катехизиса, и скорописному"; при этомъ было присовокуплено: „смотрѣть за ними, чтобы они и своихъ природныхъ языковъ не забывали". Изъ четырехъ школъ, — двѣ были въ г.г. Цивильскѣ и Царевококшайскѣ для обслуживанія чувашскаго и черемисскаго населенія, въ то время язычествующаго. Учителя сихъ школъ, согласно предписанія Св. Синода, должны были знать инородческіе языки. Однако это предписаніе Синода

*) Хотя по нѣкоторымъ даннымъ можно предполагать, что уже въ то время Св. Варсонофій съ разрѣшенія и благословенія Св. Гурія пользовался при обученіи инородцевъ—татаръ роднымъ языкомъ.

не было выполнено, и упомянутыя школы, просуществовавъ около пятидесяти лѣтъ, закрылись. Причинами паденія школъ послужили: насильственный, принудительный наборъ учениковъ въ школы и обученіе русскому языку безъ пониманія, безъ перевода на родной языкъ учащихся.

Такъ печально закончились первые попытки Русскаго Правительства—дать инородцамъ Восточной Россіи образованіе, пріобщить ихъ къ Церкви и русскому государству; такъ печально шелъ процессъ образованія инородцевъ въ теченіе почти трехъ столѣтій, и только со второй половины девятнадцатаго вѣка, когда выступилъ на арену педагогической и просвѣтительной дѣятельности извѣстный апостолъ инородцевъ, незабвенный Н. И. Ильминскій, дѣло просвѣщенія ихъ быстро подвинулось впередъ, и, получивъ вѣрное направленіе, оно достигло желаемыхъ результатовъ.

Отъ руководителей просвѣщенія инородцевъ требовалось лишь — точное и неуклонное исполненіе той системы Николая Ивановича, которая послужила для него самого и его послѣдователей твердымъ фундаментомъ всей школьной учебы инородцевъ и просвѣщенія ихъ.

Вотъ главные и отличительные признаки обученія инородцевъ въ прошлые вѣка и во время педагогической дѣятельности Н. И. Ильминскаго по его системѣ: тогда преподаваніе велось исключительно на русскомъ языкѣ (такъ-же и церковно-славянскій языкъ), теперь, при соблюденіи системы Н. И. Ильминскаго, первоначальное обученіе производится на родномъ языкѣ; тогда учителями школъ были исключительно русскіе, большею частью не знающіе инородческихъ языковъ, теперь обучаютъ инородцевъ большею частью такіе же инородцы; тогда имѣлось въ виду спеціальное назначеніе учениковъ новокрещенскихъ школъ на священно-служительскія мѣста, теперь имѣется въ виду дать общее христіанское образованіе всѣмъ инородцамъ; тогда въ отношеніи мѣста наблюдалась централизація для школъ, теперь школы распространяются въ самую среду инородческихъ селеній; тогда употреблялась принудительность въ наборѣ учениковъ, теперь добровольное ихъ поступленіе въ школы, и, наконецъ, тогда управленіе школъ носило характеръ оффиціально-казенный, теперь—семейный.

Благодаря Николаю Ивановичу Ильминскому, при помощи о. Василія Тимоѳеевича Тимоѳеева, перваго и лучшаго сотруд-

ника Николая Ивановича, его правой руки, проводника его просвѣтительныхъ идей въ жизнь татаръ (о. В. Т. Тимоѳеевъ — природный татаринъ) и лучшихъ учениковъ ихъ обоихъ, Церковное Братство Св. Гурія, основанное въ гор. Казани въ 1867 году, за сорокъ одинъ годъ своего существованія, открыло до 250-ти крещено-татарскихъ школъ, во главѣ съ Казанской Центральной крещено-татарской школой, въ которой за указанный періодъ времени обучались: 3500 мальчиковъ и 1471 дѣвочка и окончили въ ней курсъ, со званіемъ учителя и учительницы,—486 д. м. п. и 186 — ж. п. Эти питомцы Н. И. Ильминскаго и явились лучшими и самыми дѣятельными проводниками его идей въ жизнь инородцевъ—своихъ единоплеменниковъ.

Вотъ какихъ прекрасныхъ результатовъ достигло Братство Св. Гурія всего за 40 лѣтъ своего существованія, благодаря исключительно системѣ Н. И. Ильминскаго и дѣятельности лучшихъ учениковъ его изъ инородцевъ, среди которыхъ первое мѣсто, по справедливости, долженъ занять о. Василій Тимоѳеевичъ Тимоѳеевъ, оказавшій Николаю Ивановичу громадную услугу и помощь въ дѣлѣ образованія татаръ.

„Я", писалъ Н. И. Ильминскій: „въ переводческой дѣятельности имѣлъ нужду въ Тимоѳеевѣ, какъ живописецъ въ натурщикѣ".— „Съ нимъ мы составляли одного порядочнаго человѣка, какъ слѣпецъ и хромецъ въ старинномъ русскомъ апологѣ".

По системѣ Н. И. Ильминскаго и о. В. Т. Тимоѳеева—чтеніе по татарскимъ книгамъ, напечатаннымъ русскими буквами, пѣніе и богослуженіе на родномъ языкѣ—составляли краеугольный камень въ дѣлѣ образованія и просвѣщенія инородцевъ—татаръ.

Школы, открытыя Н. И. Ильминскимъ и о. В. Т. Тимоѳеевымъ, оказали немаловажную помощь сближенію крещеныхъ татаръ съ русскою народностью, несмотря на господство въ нихъ татарскаго языка. Сближеніе это, по мысли Н. И. Ильминскаго, не вѣрившаго въ этомъ отношеніи въ силу одного только русскаго языка, достигалось путемъ общаго образованія татаръ,— питомцевъ новыхъ школъ, въ духѣ русскаго православія и русской культуры, не порывавшихъ родственной связи со своими единоплеменниками.

Пятидесятые годы XIX-го столѣтія, когда началось отпаденіе крещеныхъ татаръ въ мухаммеданство, были самымъ опаснымъ временемъ для крещеныхъ инородцевъ Казанскаго края. Причи-

ной къ отпаденію отъ православія послѣднихъ послужило несовершенство переводовъ того времени. Переведенныя книги на особомъ жаргонѣ, состоящемъ изъ смѣси татарскихъ и турецкихъ оборотовъ, съ массой арабскихъ и персидскихъ словъ, совершенно не были понятны для массы татаръ.

Русскіе татары въ это время тяготѣли къ сближенію съ Турціей.

Н. И. Ильминскій, сознавая опасность того времени, создалъ и новый путь къ просвѣщенію инородцевъ,—посредствомъ перевода книгъ и богослуженія на живой народный языкъ и опредѣленія на должности учителей инородческихъ школъ лицъ изъ среды просвѣщаемаго племени. Русскій алфавитъ съ небольшими приспособленіями оказался вполнѣ достаточнымъ для выраженія звуковъ татарскаго языка, и первая крещено-татарская школа, съ новымъ направленіемъ, открытая Н. И. Ильминскимъ въ 1864 г., 3 Ноября, правда, съ небольшимъ количествомъ учащихся, всего 16-ть человѣкъ, стала впослѣдствіи, такъ сказать, матерью всѣхъ школъ, головою инородческихъ школъ Казанскаго края, почему и называлась она оффиціально такъ:—„Крещено-татарскимъ школамъ—голова школа".

Въ этой, какъ и въ другихъ инородческихъ школахъ, первоначальное обученіе производилось на инородческихъ языкахъ, причемъ обращалось особое вниманіе на религіозно-нравственное развитіе учащихся. „Родной языкъ и книги, на немъ написанныя, являлись лучшими и могущественнѣйшими проводниками христіанскаго міросозерцанія въ массу инородческаго населенія", имѣли высокое образовательное значеніе.

О томъ, какое вліяніе оказывали эти школы даже на некрещенныхъ инородцевъ, пишетъ Н. И Ильминскій слѣдующее: „для обученія русскому языку и русской грамотѣ дѣти нѣкоторыхъ некрещеныхъ татаръ поступали въ школы и *потомъ нѣкоторые изъ нихъ пожелали креститься*. Поэтому, магометане перестали отдавать дѣтей въ русскія школы", конечно, изъ боязни обрусѣнія, а, главнымъ образомъ,—обращенія въ православіе.

„Учась исключительно по русскимъ книгамъ, инородецъ", говорилъ Н. И. Ильминскій: „хотя и получаетъ общее православное направленіе, но многаго не понимаетъ, или понимаетъ неправильно, а главное, — не можетъ пріобрѣтенныхъ имъ свѣдѣній облечь въ живую форму своего языка и убѣдительно предложить ихъ въ своей семьѣ. Такое образованіе рѣзко отры-

ваетъ получившихъ его отъ понятій инородческой массы и ставитъ ихъ къ ней враждебно"... поэтому—„образованіе инородческимъ дѣтямъ должно преподавать въ такомъ видѣ, чтобы оно и ими легче усваивалось и удобнѣе могло переходить въ массу неграмотнаго народа". На этомъ основаніи Н. И. Ильминскій въ основу своей системы положилъ слѣдующее правило: „начинать образованіе инородцевъ непремѣнно съ природнаго языка учениковъ",—„чтобы основаніемъ и орудіемъ школьнаго образованія непремѣнно былъ-бы родной языкъ, тогда и воспринимаемыя учениками понятія религіозныя, нравственныя, научныя будутъ для нихъ ясны и опредѣленны и благодѣтельно повліяютъ на ихъ сердце и внутреннее чувство".—„И книги, которыя читаются учениками инородцами въ школахъ, должны быть изложены на ихъ родномъ языкѣ, такъ какъ только при этомъ условіи ученики ясно понимаютъ читаемое".

Такимъ образомъ, русскому языку отводилось второе мѣсто. „Чтеніе и преподаваніе должно быть, прежде всего", говоритъ Н. И. Ильминскій: „на татарскомъ языкѣ, а потомъ уже ученики должны упражняться въ русскомъ языкѣ".

Въ такомъ именно смыслѣ состоялось и постановленіе особаго Комитета, созваннаго въ г. Казани, въ концѣ 1866 года и состоявшаго изъ Попечителя Казанскаго учебнаго округа—П. Д. Шестакова и профессоровъ—Ильминскаго, Малова и Н. И. Золотницкаго по вопросу объ устройствѣ всѣхъ инородческихъ христіанскихъ школъ Казанскаго края. Въ постановленіи этомъ сказано: „въ семьѣ православно-русскихъ религіозно-нравственное воспитаніе начинается въ самомъ нѣжномъ возрастѣ. Если инородческая семья не представляетъ къ тому благопріятныхъ условій по невѣжеству родителей, и, вообще, по ихъ нехристіанскому складу понятій, то школа должна съ самаго поступленія въ нее инородческаго дитяти начать дѣло религіозно-нравственнаго образованія его. Подчинять таковое образованіе инородческихъ дѣтей непремѣнному условію предварительнаго изученія ими русскаго языка, разумѣется, въ такой степени, чтобы они въ состояніи были понимать вѣроучительные тексты, значило-бы терять по крайней мѣрѣ 2 — 3 года времени. Притомъ, это не сообразно съ естественнымъ ходомъ развитія человѣка: изученіе чужого языка есть дѣло чисто разсудочное и, такъ сказать, схоластическое: изученіе же религіи, не богословское, а такое, какое свой-

ственно дѣтскому возрасту, есть дѣйствіе всей совокупности духовныхъ силъ, цѣльной природы человѣческой, а потому религіозно-нравственное образованіе инородческихъ дѣтей должно даже предшествовать изученію ими русскаго языка, или, по крайней мѣрѣ, идти съ нимъ совмѣстно и занять времени на первый разъ больше, нежели послѣднее. Наконецъ, такъ какъ въ эти инородческія училища, по всей вѣроятности, будутъ поступать дѣти уже довольно возрастныя, то обученіе въ школахъ, очевидно, должно начаться не устнымъ собесѣдованіемъ съ ними наставниковъ, а прямо съ букваря. А въ букварѣ, послѣ обученія чтенію, по какой-бы-то ни было методѣ, содержится именно религіозное ученіе: молитвы, священная исторія и основныя катихизическія понятія. Такимъ образомъ, и съ этой стороны *открывается неизбѣжность изученія религіи съ самаго начала школы*. Отсюда слѣдуетъ необходимость въ инородческихъ школахъ вести первоначальное обученіе непремѣнно на родномъ языкѣ учениковъ, польза котораго, какъ необходимаго орудія и вообще для первоначальнаго возбужденія и развитія мысли и религіозно-нравственнаго чувства въ дитяти, признается педагогіею, коль скоро она внушаетъ даже къ единоплеменнымъ молодымъ воспитанникамъ приспособляться въ выраженіи и постановкѣ понятій. *Отсюда* вытекаетъ практическое заключеніе: поручить первоначальное религіозно-нравственное образованіе инородческихъ дѣтей, вмѣстѣ съ обученіемъ грамотѣ на ихъ родномъ языкѣ, такому лицу, которое владѣетъ этимъ инородческимъ языкомъ и знакомо съ бытомъ, понятіями и даже съ умственнымъ и нравственнымъ складомъ инородческихъ учениковъ. Этимъ необходимымъ условіемъ опредѣляется—быть—ли учителемъ въ данномъ училищѣ священнику, или міренину. Если священникъ хорошо знакомъ съ языкомъ и съ бытомъ инородцевъ и имѣетъ притомъ призваніе и желаніе заниматься обученіемъ въ школѣ, то лучше этого и желать нечего. Въ противномъ случаѣ—предоставить религіозно-нравственное образованіе дѣтей міранину, и еще лучше единоплеменному съ воспитанниками инородцу, конечно, съ основательнымъ православнымъ настроеніемъ и понятіями". Въ заключеніе положено просить Министра ходатайствовать, чтобы въ положеніи о начальныхъ училищахъ было прибавлено примѣчаніе: „въ Казанскомъ округѣ въ начальныхъ народныхъ училищахъ для татаръ, чувашъ, черемисъ и прочихъ инородцевъ дозволяется первоначальное обученіе на ихъ собственныхъ народныхъ языкахъ".

Что дѣйствительно лично Н. И. Ильминскій стоялъ за общее христіанское образованіе татаръ на ихъ родномъ языкѣ, а обученіе русскому языку ставилъ на второмъ мѣстѣ,—это видно изъ одного письма его къ графу Толстому. Въ этомъ письмѣ онъ предлагаетъ, какъ просвѣтительныя мѣры,—„главныя и лучшія, основательныя средства къ удержанію татаръ въ христіанствѣ—это: поддерживать и вновь открыть какъ можно больше крещено-татарскихъ школъ и усилить изданіе книгъ вѣроучительныхъ и *даже общеобразовательныхъ* такъ, чтобы шире и обильнѣе распространилось просвѣщеніе въ населеніи крещеныхъ татаръ и дало имъ нравственную силу и стойкость въ борьбѣ съ магометанствомъ". Поэтому, пишетъ Н. И. Ильминскій въ другомъ письмѣ Оберъ-Прокурору Св. Синода, Графу Толстому, по поводу массовыхъ отступленій татаръ отъ Православной вѣры, что, если не будутъ приняты теперь выше указанныя мѣры чисто духовнаго характера, то возможно, что понадобятся мѣры административныя,—мѣры быстрыя и разумныя, такъ какъ—„можно даже опасаться, что съ теченіемъ времени отступленіе отъ русской вѣры изъ чисто религіознаго направленія можетъ видоизмѣниться въ національное и затѣмъ политическое. Это очень возможное дѣло".

Подобныя мысли проводятъ и современные дѣятели просвѣщенія инородцевъ Восточной Россіи, послѣдователи системы Н. И. Ильминскаго. Вотъ, напримѣръ, что пишетъ о христіанскомъ образованіи инородцевъ Епископъ Сухумскій Андрей (бывшій Епископъ Мамадышскій): „Я увѣренъ, что если православные чуваши, черемисы, вотяки и крещеные татары *не будутъ знать по-русски ни слова*, а будутъ только преданными сынами церкви, то всегда будутъ и любить русскаго Православнаго Царя и служить своему Православному отечеству — Россіи, прославлять ея св. Угодниковъ Божіихъ, защищать Св. Церковь отъ поруганія и прочее"... (мысли Н. И. Ильминскаго). „Однимъ словомъ, на своихъ инородческихъ языкахъ, будучи просвѣщены свѣтомъ Христіанства, инородцы могутъ быть русскими патріотами гораздо болѣе убѣдительными, чѣмъ русскіе политическіе партійные дѣльцы, промышляющіе своимъ патріотизмомъ для болѣе теплыхъ и удобныхъ должностей". (№ 4-й журн. „Сотрудникъ", отъ 25 декабря, 1909 г.). „Уважать Россію и русскаго царя тысячи, десятки, сотни тысячъ инородцевъ нашихъ давно привыкли, и не зная русскаго языка.—Любви и уваженію еще скорѣе научитъ народная

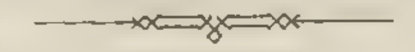
школа съ языкомъ роднымъ.—Какъ-бы на нашъ взглядъ этотъ языкъ ни былъ простъ, грубъ, бѣденъ, онъ милъ и дорогъ ребятамъ и ихъ родителямъ. За такую милую школу они еще больше полюбятъ и больше прежняго будутъ почитать Царя и Россію". (Профессоръ В. И. Ламанскій. „Три міра", С.П.Б. 1892 г., стр. 122).

Слѣдовательно, по мысли Н. И. Ильминскаго и его послѣдователей, главнымъ условіемъ обрусенія инородцевъ является христіанизація ихъ;—обрусѣніе же ихъ вытекаетъ, какъ слѣдствіе; истинный христіанинъ не можетъ не русѣть въ русскомъ государствѣ. „Если вообще русское народное образованіе должно стоять на почвѣ религіозно-воспитательной, православно-христіанской", говоритъ Н. И. Ильминскій: „то образованіе инородцевъ тѣмъ болѣе. Инородческая народная школа должна имѣть—миссіонерское направленіе".

Другіе современные дѣятели, много потрудившіеся на поприщѣ образованія инородцевъ Восточной Россіи, лучшіе и опытнѣйшіе педагоги, какъ, напримѣръ, А. И. Анастасьевъ, б. директоръ Казанскаго Учительскаго Института, Н. Я. Яковлевъ, б. инспекторъ чувашскихъ школъ, Н. А. Бобровниковъ, б. директоръ Казанской учительской семинаріи, основываясь на многолѣтнемъ опытѣ педагогической дѣятельности своей, свидѣтельствуютъ, что первое и самое важное, на что учитель долженъ обратить вниманіе—это „пробудить въ дѣтяхъ — инородцахъ ралигіозно-нравственное сознаніе, дать имъ почувствовать, что есть свѣтъ, котораго они не знаютъ". „Учитель прежде всего заботится о подъемѣ душевныхъ силъ ребенка, о пробужденіи въ немъ религіознаго чувства". „Главною заботою учителя инородческой школы является развитіе дѣтей, пріученіе ихъ къ школьному обиходу, сообщеніе имъ необходимыхъ молитвъ — непремѣнно по-инородчески, нѣкоторыхъ свѣдѣній по Закону Божію — назидательно и нравоучительно, въ связи съ объясненіемъ ученикамъ правилъ русской жизни". „Инородческая школа есть по преимуществу—воспитательная, и этой стороной ея отнюдь не слѣдуетъ поступаться въ пользу учебной". Въ этомъ и въ тѣснѣйшей связи школъ съ народомъ и заключается сущность школьной системы Н. И. Ильминскаго.

Изъ всего сказаннаго дѣлаю слѣдующій выводъ: главная забота учащихъ инородческихъ школъ должна быть направлена на ралигіозно-нравственное развитіе учащихся. Не гоняясь за успѣ-

хами по обученію русскаго языка, по крайней мѣрѣ, первое время, учитель долженъ обратить самое серьезное вниманіе на сообщеніе дѣтямъ—инородцамъ на ихъ родномъ языкѣ первыхъ понятій Православной религіи, познакомить ихъ съ правилами русской жизни—и пріучить ихъ къ школьнымъ порядкамъ. Продолжая дальше учебу инородцевъ вообще, учащіе не должны забывать, что воспитательная сторона школы является доминирующей и должна проводиться въ продолженіи всего четырехлѣтняго курса обученія инородцевъ въ школѣ такъ же, какъ и началась, т. е., путемъ бесѣдъ религіозно-нравственнаго характера, изученія молитвъ и всего курса по Закону Божію, пѣнія и совершенія Богослуженія исключительно и непремѣнно на родномъ материнскомъ языкѣ учащихся. Выполнивъ эту первую и самую главную задачу инородческой школы, учащіе въ ней достигнутъ намѣченной цѣли—пріобщатъ дѣтей къ Церкви, сдѣлаютъ ихъ сознательными членами ея, возбудятъ любовь къ ней... въ противномъ случаѣ ученики—инородцы, по выходѣ изъ школы, не получивъ надлежащаго христіанскаго воспитанія, а таковое въ короткій срокъ (два года) невозможно дать на чужомъ языкѣ, останутся язычествующими и, попрежнему, будутъ обречены на блужданіе во тьмѣ и сѣни смертнѣй, — а трудъ учащаго пропадетъ безслѣдно.

Глава II.

О преподаваніи Закона Божія въ инородческихъ школахъ.

По программѣ, составленной Н. И. Ильминскимъ для школъ крещеныхъ инородцевъ Восточной Россіи (см. Цирк. Уч. Совѣта при Свят. Синодѣ отъ 29 Мая, 1899 г.—„о мѣрахъ къ улучшенію учебно-воспитательнаго дѣла въ инородческихъ церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты“), курсъ начальной инородческой школы долженъ быть раздѣленъ на два отдѣленія, по два года въ каждомъ, *съ рѣзко выраженными цѣлями и задачами каждаго изъ нихъ*, а именно: въ младшемъ отдѣленіи—со-

сосредоточить всѣ усилія на религіозномъ воспитаніи дѣтей, въ старшемъ,—не упуская изъ виду религіозно-воспитательныхъ цѣлей начальной школы,—направить всѣ усилія на усвоеніе дѣтьми русскаго языка, такъ какъ значеніе его есть, конечно, самое необходимое и полезнѣйшее для русскаго подданнаго изъ всѣхъ другихъ знаній. „Такъ какъ", говоритъ Н. И. Ильминскій въ другомъ мѣстѣ той-же программы: „сердечное проникновеніе христіанскими догматами возможно лишь при преподаваніи ихъ на родномъ языкѣ и такъ какъ въ этомъ именно должна состоять первая задача начальной инородческой школы, то преподаваніе Закона Божія въ младшемъ отдѣленіи должно вестись на инородческомъ языкѣ священникомъ, если онъ свободно владѣетъ этимъ языкомъ, или учителемъ-инородцемъ, подъ наблюденіемъ и руководствомъ священника, а въ старшемъ—на русскомъ языкѣ".

Почему только въ одномъ младшемъ отдѣленіи преподаваніе Закона Божія должно вестись на инородческомъ языкѣ—не выяснено, а въ литературныхъ трудахъ Н. И. Ильминскаго по этому вопросу я нигдѣ не находилъ раздѣленія преподаванія Закона Божія на инородческомъ языкѣ—въ младшемъ и на русскомъ языкѣ—въ старшемъ отдѣленіи.

И Училищный Совѣтъ при Святѣйшемъ Сѵнодѣ упомянутымъ Циркулярнымъ указомъ, отъ 29 мая 1899 г., за № 2865-мъ, предписываетъ вести преподаваніе Закона Божія въ инородческихъ школахъ по системѣ Н. И. Ильминскаго, а именно: въ первые два года обученія на инородческомъ языкѣ, а послѣдніе два года на русскомъ, раздѣливъ школу на два отдѣленія — младшее и старшее по два года обученія въ каждомъ. Обращаясь къ объяснительной запискѣ, приложенной къ программѣ по Закону Божію, мы находимъ тамъ слѣдующее замѣчаніе: „Законъ Божій является главнымъ предметомъ начальной инородческой школы; въ младшемъ отдѣленіи онъ является основнымъ руководящимъ предметомъ". Затѣмъ далѣе читаемъ: „изученіе Закона Божія должно дать инородцу:—1, основные христіанскіе догматы, 2, употребительнѣйшія молитвы; 3, живое представленіе о важнѣйшихъ событіяхъ Священ. Исторіи и 4, поучительные примѣры изъ жизни нѣкоторыхъ особенно-чтимыхъ святыхъ". Для достиженія намѣченной цѣли по Закону Божію въ младшемъ отдѣленіи инородческой школы положено по расписанію, составленному Н. И. Ильминскимъ,—6 часовъ и столько же часовъ въ старшемъ отдѣленіи.

Оставляя пока открытымъ выясненіе вопроса о томъ, на какомъ языкѣ полезнѣе вести преподаваніе Закона Божія въ старшемъ отдѣленіи инородческой школы—на русскомъ, или на материнскомъ языкѣ учащихся, я обращаю вниманіе съѣзда о. о Наблюдателей на слѣдующіе компетентные отзывы и замѣчанія по вопросу о преподаваніи Закона Божія въ инородческой школѣ вообще и такихъ извѣстнѣйшихъ и опытнѣйшихъ педагоговъ и дѣятелей по образованію инородцевъ Восточной Россіи, какъ Н. И. Ильминскій, П. Д. Шестаковъ, Н. А. Бобровниковъ и другіе, которые съ исчерпывающей полнотой, теоретически и опытно доказали, что религіозно-нравственное воспитаніе учениковъ инородцевъ и преподаваніе Закона Божія должно вестись въ инородческихъ школахъ исключительно на материнскомъ языкѣ учащихся, если не все время обученія инородцевъ въ школѣ, то, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока ученики не изучатъ русскаго языка въ такой степени, чтобы могли *безъ затрудненія* понимать русскую рѣчь и говорить по-русски*). При этомъ ни одинъ изъ дѣятелей по образованію инородцевъ Восточной Россіи, ни даже самъ Н. И. Ильминскій, въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ, касающихся просвѣщенія инородцевъ, не высказываютъ по данному вопросу того взгляда, который проведенъ Н. И. Ильминскимъ въ составленной имъ программѣ по Закону Божію для инородческихъ школъ—взгляда, по которому Законъ Божій преподается въ этихъ школахъ только два года на родномъ языкѣ учащихся, а два года на русскомъ.

По программѣ крещено-татарской школы, открытой въ августѣ мѣсяцѣ 1864 года Н. И. Ильминскимъ, главнымъ предметомъ обученія инородцевъ считался Законъ Божій:—молитвы, Священная Исторія и Краткій Катехизисъ, который преподавался по книгамъ, напечатаннымъ на татарскомъ языкѣ, но русскими буквами.—„Образованіе инородцевъ", говорилъ Н. И. Ильминскій: „должно быть, прежде всего, религіозно-нравственное, православно-христіанское, вслѣдствіе сильнаго религіознаго интереса между крещеными татарами, часто ищущаго себѣ удовлетворенія въ мухаммеданствѣ". Далѣе Н. И. Ильминскій доказываетъ, что преподаваніе Закона Божія должно вестись на инородческомъ языкѣ,

*) А возможное-ли дѣло, чтобы дѣти-инородцы дошли до такихъ успѣховъ въ знаніи русскаго языка за первые два года обученія ихъ въ школѣ?

а не на русскомъ, потому что—„религіозное движеніе сердца несравненно сильнѣе и глубже возбуждается, когда христіанскія истины слышатся инородцами на языкѣ родномъ, нежели на русскомъ, *хотя бы послѣдній и былъ для нихъ знакомъ въ нѣкоторой степени.* Это потому, что родной языкъ непосредственно говоритъ уму и сердцу. И какъ скоро въ инородцахъ утвердились посредствомъ родного языка христіанскія понятія и правила, въ нихъ пробуждается любовь къ русскому народу“. Изъ процитированнаго отзыва Н. И. Ильминскаго о преподаваніи Закона Божія въ инородческихъ школахъ я нарочито подчеркиваю одно его выраженіе: *„хотя-бы послѣдній (русскій языкъ) и былъ для нихъ знакомъ въ нѣкоторой степени“*, чтобы показать, насколько этотъ взглядъ Н. И. Ильминскаго противорѣчитъ тому положенію его программы, по которому—Законъ Божій въ старшемъ отдѣленіи инородческой школы должно проходить уже на языкѣ русскомъ, съ которымъ ученики-инородцы за два года обученія въ школѣ могутъ познакомиться лишь только въ нѣкоторой степени, если не меньше.

О томъ, какое важное значеніе имѣетъ родной языкъ при христіанскомъ воспитаніи татаръ, Н. И. Ильминскій говоритъ: „христіанство должно коренньмъ образомъ, во всѣхъ отношеніяхъ, преобразовать татаръ. Только при этомъ не должно выпускать изъ рукъ единственно-дѣйствительное орудіе — родной татарскій языкъ: Родной языкъ составляетъ сущность духовной природы человѣка и самое сильное средство къ перевоспитанію и образованію. Только родной языкъ можетъ успѣшно и основательно, а не поверхностно двинуть народъ, какъ массу, по христіанскому пути. Молитва и Богослуженіе на ихъ родномъ языкѣ особенно глубоко трогаетъ крещеныхъ татаръ“.

„Давно-ли начались крещено-татарскія школы въ Казанскомъ краѣ, но, благодаря именно родному языку, онѣ уже воспитали нѣсколько юношей, мыслящихъ и чувствующихъ вполнѣ по-хри-христіански, глубоко - преданныхъ дѣлу христіанства, которые усердно читаютъ христіанскія книги, или устно разсказываютъ ихъ содержаніе старшимъ поколѣніямъ крещеныхъ татаръ, а эти усердно и искренно ихъ слушаютъ“.

„Надо стараться, чтобы крещеные татары усвоили христіанское ученіе и приняли его умомъ и сердцемъ, чтобы оно стало для нихъ дѣломъ жизни,—тогда уже они сами передадутъ своимъ

магометанскимъ сосѣдямъ христіанство, и посредствомъ живой бесѣды, а, еще болѣе, примѣромъ христіанской жизни; это обстоятельство и явится проводникомъ христіанства среди инородцевъ и, въ частности, татаръ“:

„Положительно можно сказать, что процессъ перерожденія крещеныхъ татаръ, настоящихъ христіанъ по мысли и чувству, стоитъ на прямомъ пути. Мы вѣримъ, что Евангельское Слово Спасителя Іисуса Христа, воплотившись, такъ сказать, въ татарскомъ, живомъ, естественномъ языкѣ и чрезъ то пріискренне пріобщась самой глубины мысли и религіозной совѣсти татаръ, сотворитъ и совершитъ дѣло христіанскаго возрожденія этого племени“.

Н. А. Бобровниковъ, б. директоръ Казанской Учительской Семинаріи, на предложенный ему вопросъ учителей инородческихъ школъ, бывшихъ его воспитанниковъ: „на какомъ языкѣ преподавать Законъ Божій въ инородческой школѣ“, отвѣчаетъ: „для того, чтобы Священная исторія производила желательное воздѣйствіе на учениковъ, а въ этомъ вся цѣль преподаванія ея въ начальной школѣ,— нужно, чтобы дѣти воспринимали ее сердцемъ, а для сего нужно преподавать ее на томъ языкѣ, на которомъ говоритъ мать ученика. *На русскомъ языкѣ Священную исторію можно преподавать лишь тогда, когда ученики выучатъ его*“.

„Въ нашихъ инородческихъ захолустьяхъ встрѣчаются, правда, педагоги, которые заставляютъ дѣтей инородцевъ заучивать наизусть священную исторію по-русски и мотивируютъ это тѣмъ соображеніемъ, что подобное заучиваніе ускоряетъ будто-бы изученіе русскаго языка; но таковыя сужденія высказываются только по инородческимъ захолустьямъ, въ педагогической литературѣ они не встрѣчаются“.

„Заучиваніе священной исторіи на языкѣ недостаточно извѣстномъ не только не приноситъ пользы изученію русскаго языка, но вредитъ и школѣ, и самому учебному предмету, и преподавателю его“.

„Изученіе Священной Исторіи на языкѣ, котораго дѣти не понимаютъ или даже только понимаютъ *не вполнѣ отчетливо* есть педагогическій абсурдъ“.

„Вотъ почему и составители безчисленныхъ французскихъ и нѣмецкихъ натуральныхъ методовъ по обученію чужихъ язы-

ковъ (Гуэнъ, Шельцель и другіе) оставляютъ совершенно въ сторонѣ религіозное обученіе и объ немъ, какъ вспомогательномъ средствѣ для изученія языка, и не говорятъ; они, какъ люди болѣе или менѣе образованные, отлично понимаютъ, что нельзя религіозное обученіе дѣлать средствомъ для достиженія второстепенныхъ сравнительно цѣлей. Точно также и изъ русскихъ педагогическихъ писателей никто доселѣ не предполагалъ, чтобы можно было нѣмцевъ или поляковъ учить Закону Божію на русскомъ языкѣ, такъ-что введеніе того или другого пріема обученія русскому языку, по мысли составителей руководствъ, никакого измѣненія въ постановку преподаванія Закона Божія вносить не должно".

„Казанскій край имѣетъ собственнаго представителя натуральнаго метода, весьма опытнаго въ учебномъ дѣлѣ, г. Ислентьева. И. г. Ислентьевъ, ставя въ связь обученіе русскому языку съ природнымъ языкомъ инородцевъ, предполагаетъ, что дѣти умѣютъ читать на своемъ языкѣ и на этомъ языкѣ получаютъ религіозное и нравственное назиданіе". Первоначальное образованіе и духовное просвѣщеніе инородцевъ", говоритъ П. Д. Шестаковъ: „должно идти на ихъ родномъ языкѣ до тѣхъ поръ, пока они не усвоятъ русскаго языка настолько, чтобы съ успѣхомъ учиться въ русскихъ школахъ, чтобы хорошо понимать наши молитвы и наше богослуженіе". „Когда я молюсь на незнакомомъ языкѣ, то хотя духъ и молится, но умъ мой остается безъ плода".— (1 посл. къ Коринѳ. гл. 14, ст. 14.). — (Изъ рѣчи Попеч. Каз. учебн. окр. П. Д. Шестакова при открытіи Братства Св. Гурія 4 окт., 1867 г).

Прочитавъ педагогическую литературу первыхъ руководителей образованія и просвѣщенія Свѣтомъ Христова ученія—инородцевъ Восточной Россіи, изучивъ систему незабвеннаго Апостола инородцевъ Восточнаго края Россіи, Н. И. Ильминскаго и познакомившись съ постановкой учебно-воспитательнаго дѣла въ инородческихъ школахъ Уфимской епархіи, я прихожу къ несомнѣнному выводу, что мы, ближайшіе руководители церковно-школьнаго образованія инородцевъ, въ своей педагогической дѣятельности должны непремѣнно слѣдовать завѣтамъ первоучителей инородческаго племени Россіи, и особенно въ дѣлѣ постановки преподаванія самаго главнаго предмета школьнаго обученія инородцевъ — Закона Божія и христіанскаго воспитанія ихъ; а для сего

должно возстановить во всей полнотѣ ту систему Н. И. Ильминскаго, которая являлась краеугольнымъ камнемъ христіанскаго просвѣщенія инородцевъ въ основанныхъ имъ школахъ Казанскаго края и которая съ такимъ блестящимъ успѣхомъ проводилась имъ и его ближайшими учениками и сотрудниками въ жизнь и дѣятельность инородческихъ школъ, особенно въ части, касающейся христіанскаго воспитанія питомцевъ ихъ. Объ этомъ колоссальномъ успѣхѣ системы Н. И. Ильминскаго въ томъ видѣ, въ какомъ она была составлена имъ и проводилась во время просвѣтительной дѣятельности его среди инородцевъ, засвидѣтельствовано не только лучшими педагогами Восточной Россіи, но и всей исторіей просвѣщенія инородческихъ племенъ этого края.

По этому вопросу позволяю себѣ высказать слѣдующія мои соображенія.

По системѣ Н. И. Ильминскаго, составленной имъ еще въ 1864 году и проводимой имъ и его учениками въ жизнь и дѣятельность инородческихъ школъ болѣе трехъ десятилѣтій, рекомендуется проходить курсъ Закона Божія на инородческомъ языкѣ безъ указанія на то, чтобы въ старшемъ отдѣленіи преподаваніе этого предмета производилось уже непремѣнно на русскомъ языкѣ.

Такъ какъ первая и главная задача инородческой школы, какъ можно скорѣе и основательнѣе познакомить учениковъ съ главнѣйшими истинами вѣро—и нраво-ученія христіанскаго, и притомъ такъ, чтобы они проникнулись симъ ученіемъ, то, по моему мнѣнію, времени для сего (2 года) мало, а потому и переходъ къ изученію Закона Божія въ старшемъ отдѣленіи съ инородческаго языка на русскій я нахожу не цѣлесообразнымъ. Дѣти инородцевъ въ теченіе двухъ лѣтъ обученія въ младшемъ отдѣленіи школы, благодаря родному языку, только начинаютъ развиваться въ христіанскомъ отношеніи, а *русской* рѣчи за это-же время не въ состояніи усвоить настолько и въ такой мѣрѣ, чтобы возможно было преподавать имъ Законъ Божій на русскомъ языкѣ, вслѣдствіе чего положенное программой по Закону Божію заучивается дѣтьми наизусть безъ пониманія, и въ разультатѣ получается: или законоучитель не успѣваетъ пройти всего курса по Закону Божію, такъ какъ ему приходится не только изучать свой предметъ, но и заниматься для этого изученія объяснительнымъ русскимъ чтеніемъ, или проходить его механически, что совершенно безполезно, даже вредно. Въ этомъ именно запретѣ преподавать

Законъ Божій на инородческомъ языкѣ въ старшемъ отдѣленіи, по крайней мѣрѣ, до времени окончанія прохожденія курса учениками по программѣ, я и нахожу большое противорѣчіе между высказаннымъ взглядомъ Н. И. Ильминскаго по разсматриваемому вопросу въ его литературныхъ трудахъ и тѣмъ положеніемъ его программы, которая утверждена Святѣйшимъ Синодомъ, и по которой преподаваніе Закона Божія на инородческомъ языкѣ предлагается вести только въ младшемъ отдѣленіи школы (2 года), а въ старшемъ (тоже 2 года) переходить уже на русскій языкъ, хотя бы ученики и мало были знакомы съ русскимъ языкомъ и слабо понимали русскую рѣчь, что въ дѣйствительности и бываетъ.

Чтобы пройти Законъ Божій въ инородческой школѣ съ четырехлѣтнимъ курсомъ такъ, какъ требуется программой, *т. е., чтобы* дѣти инородцы не только знали предметъ, но и проникнулись имъ, и не только въ младшемъ отдѣленіи школы, но, что главнѣе всего, въ старшемъ ея отдѣленіи,—надо преподавать Законъ Божій на материнскомъ языкѣ,—„такъ какъ сердечное проникновеніе христіанскими догматами возможно лишь при преподаваніи ихъ на родномъ языкѣ", а въ этомъ именно и должна состоять первая задача инородческой школы; въ противномъ случаѣ—то время, которое законоучитель употреблялъ-бы на сообщеніе свѣдѣній по Закону Божію на инородческомъ языкѣ, онъ долженъ будетъ, въ силу необходимости, повторяю, заняться объяснительнымъ русскимъ чтеніемъ, такъ какъ инородцы въ 3-мъ году, а нерѣдко и въ четвертомъ году обученія въ школѣ—русскую рѣчь мало понимаютъ, и, если читаютъ русскія книги, то-механически.

Если законоучитель справляется съ дѣломъ преподаванія Закона Божія въ русской школѣ въ теченіе трехъ лѣтъ, то въ инородческой, въ теченіе четырехъ лѣтъ, всегда успѣетъ преподать ученикамъ тотъ-же курсъ осмысленно, но при условіи прохожденія его на материнскомъ языкѣ учащихся: первое время, до прохожденія русскаго алфавита и чтенія русской книги, путемъ бесѣдъ, а затѣмъ и при помощи книгъ, переведенныхъ на инородческій языкъ и напечатанныхъ русскими буквами. Проходя такимъ образомъ курсъ Закона Божія въ теченіе всѣхъ четырехъ лѣтъ, а не двухъ только, законоучитель успѣетъ развить дѣтей-инородцевъ въ христіанскомъ направленіи въ достаточной степени, и настолько, что они окажутся способными воспріять ученіе Христа сердцемъ и душою, пріобщатся къ церкви святой и сдѣ-

лаются сознательными членами ея. Если-же преподавать Законъ Божій на инородческомъ языкѣ только въ младшемъ отдѣленіи, то получится обратное явленіе—и вотъ почему: до старшаго отдѣленія дѣти изучаютъ Законъ Божій на родномъ языкѣ и, когда уже подготовлена, такъ сказать, почва для болѣе быстраго и сознательнаго усвоенія дѣтьми христіанскихъ истинъ на своемъ языкѣ, ихъ переводятъ на непонятный для нихъ языкъ—русскій, и тѣмъ обрываютъ естественный ходъ обученія, останавливаютъ христіанское развитіе дѣтей, а въ результатѣ тормозятъ дѣло преподаванія Закона Божія, такъ какъ невозможно же, въ самомъ дѣлѣ, требовать отъ дѣтей и отъ законоучителей выполненія совершенно непосильной задачи: отъ учениковъ сознательно воспринять христіанскія истины на непонятномъ почти для нихъ языкѣ, а отъ законоучителя—изучать русскій языкъ на урокахъ Закона Божія.

Пусть языкъ инородцевъ несовершенный, скудный, младенческій, зато на своемъ языкѣ инородцы быстрѣе поймутъ и глубже усвоятъ Евангельскія истины, чѣмъ на русскомъ, дѣйствительно и сознательно проникнутся христіанской религіей, пріобщатся къ Святой Церкви. Если, какъ нѣкоторые полагаютъ, преподаваніе Закона Божія на русскомъ языкѣ нѣсколько помогаетъ дѣлу усвоенія инородцами русской рѣчи, то это незначительное пріобрѣтеніе достигается въ ущербъ главной цѣли школы — закладкѣ прочнаго фундамента для дальнѣйшаго христіанскаго воспитанія инородцевъ на началахъ вѣры и нравственности. „Погонишься за малымъ, потеряешь главное, даже все".

„Какъ скоро въ инородцахъ," говоритъ Н. И. Ильминскій: „утвердились посредствомъ родного языка христіанскія понятія и правила, въ нихъ пробуждается любовь къ русскому народу". Отсюда выводъ: чѣмъ скорѣе и чѣмъ больше инородцы пріобрѣли и усвоили христіанскихъ понятій и правилъ, тѣмъ лучше эта любовь пробуждается; поэтому, пользуясь ихъ роднымъ языкомъ, необходимо прививать инородцамъ какъ можно больше христіанскихъ понятій и правилъ, чтобы скорѣе пробудить въ нихъ любовь къ русскому народу, послѣ чего они охотнѣе станутъ изучать русскій языкъ, будутъ стремиться къ полученію русскаго образованія и, т. о., обрусеніе инородцевъ явится естественнымъ результатомъ воспріятія ими православія.

Въ извѣстной части общества высказывается на этотъ предметъ иной взглядъ, будто преподаваніе Закона Божія на инородческомъ языкѣ и переводы богослужебныхъ и религіозно-нравственныхъ книгъ на инородческіе языки только тормозятъ обрусеніе инородцевъ; „нужно," говорятъ они: „обучить ихъ русскому языку, а чрезъ языкъ придетъ къ нимъ и вѣра". Но эти мысли не оправдываются ни исторіей просвѣщенія инородцевъ, основаннаго на Словѣ Божіемъ, ни современной дѣйствительностью, ни педагогіей *). Апостолы просвѣщали народъ на ихъ языкахъ. „Благодарю Бога моего, говоритъ Ап. Павелъ, я болѣе всѣхъ васъ говорю языками; но въ церкви хочу лучше пять словъ сказать умомъ моимъ, чтобы и другихъ наставить, нежели тьму словъ на незнакомомъ языкѣ" (1 Корнѳ. 14, 18—19).

Св. Іоаннъ Златоустъ просвѣщалъ Готѳовъ чрезъ посредство природнаго языка ихъ; блаженный Августинъ просвѣщалъ Пунійцевъ чрезъ посредство Пунійцевъ. Результаты получались прекрасные. Та же система просвѣщенія инородцевъ проводилась и другими святителями. Такъ, Св. Варсонофій путемъ татарскаго языка насаждалъ христіанство среди татаръ-магометанъ; Св. Стефанъ Великопермскій еще въ 14 вѣкѣ „путемъ проповѣди, богослуженія и обученія на родномъ народу пермскомъ языкѣ сдѣлалъ для ума пермянъ вразумительными и для сердца ихъ доступными святыя истины религіи христіанской; только этимъ путемъ онъ истреблялъ вкоренившіяся въ сердцахъ язычниковъ суевѣрія и заблужденія, и, одухотворивъ, освятивъ ихъ языкъ изложеніемъ на немъ высокихъ истинъ христіанскаго вѣроисповѣданія, измѣнилъ и ихъ языческое міросозерцаніе, оживотворилъ и согрѣлъ духовную природу идолопоклонниковъ божественнымъ огнемъ и сроднилъ ихъ духомъ съ народомъ русскимъ".

„И бяше, говоритъ жизнеописатель Стефановъ Епифаній Премудрый, видѣти чудо въ земли той; идѣже прежде были храми идольскія и кумирницы и жертвища, и требища идольская, церкви святыя созидахуся и монастыри, и богомолья чиняхуся; кумирская лесть и идолослуженія прогнася, а благодать благоразумія возсія, вѣра христіанская процвѣте". — (жит. св. Стефана Пермскаго).

---

*) См. Педагог. Психол. Проф. А. Нечаева, первая книжка, стр. 33—40, изд. 1905 г. С. П. Б.

„Вотъ къ какимъ благотворнымъ результатамъ привела та система духовнаго просвѣщенія инородцевъ, противъ которой въ настоящее время нѣкоторые подымаютъ камень осужденія". (Изъ рѣчи П. Д. Шестакова, произнесенной 10 марта, 1868 г. на собраніи Братства Св. Гурія).

И покойный Н. И. Ильминскй желалъ именно такого просвѣщенія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ его переписка съ К. П. Побѣдоносцевымъ, съ крещеными татарами и съ другими лицами. „Христіанство," писалъ Н. И. Ильминскій: „соединяетъ людей тѣсными узами. Евангельская любовь сближаетъ людей настолько, что всѣ внѣшнія различія исчезаютъ. Единство духа ведетъ къ единству языка, *но не наоборотъ*. Объ этомъ говоритъ вся исторія христіанскаго просвѣщенія инородцевъ вообще, и нашихъ инородцевъ—въ частности".

„Мои снаряды—инородческія книги, инородческое богослуженіе, инородческій причетъ церковный со священникомъ во главѣ". (Изъ письма къ Об.-Пр. Св. Син. К. П. П—сцеву 24 іюня, 1885 г.).

„Для живого и глубокаго усвоенія христіанскаго ученія инородцами самымъ вѣрнымъ и дѣйствительнымъ средствомъ служитъ родной языкъ". (Изъ письма къ нему-же 27 іюня 1891 г.). Выводъ изъ сказаннаго ясенъ: надо дать инородцамъ сначала душу, а затѣмъ уже позаботиться и о языкѣ, а съ душой и языкомъ придутъ сами собой и обычаи.

До Н. И. Ильминскаго во всемъ господствовалъ русскій языкъ, и что же получалось? Язычество и исламъ существовали даже среди христіанъ-инородцевъ, церкви пустовали, христіанскія обязанности не исполнялись, школы закрылись. Съ введеніемъ же въ дѣйствіе системы Н. И. Ильминскаго все пошло по-новому. Тамъ, гдѣ она примѣнялась вполнѣ, церкви всегда были полны богомольцевъ; требъ всегда бывало много, школы развивались. Въ настоящее же время, надо сознаться, что тамъ, гдѣ система Н. И. Ильминскаго не вполнѣ примѣняется, наблюдается обратное явленіе.

Въ Уфимской Епархіи, какъ, вѣроятно, и въ другихъ епархіяхъ Восточной Россіи, система Н. И. Ильминскаго въ настоящее время не проводится въ жизнь и дѣятельность инородческихъ школъ въ тѣхъ рамкахъ, въ какихъ она примѣнялась имъ въ Казанской губ.—среди татаръ и другихъ инородцевъ, и въ Оренбургской губ., среди киргизъ. Въ Уфимской Епархіи, какъ и въ другихъ, примѣняется система Н. И. Ильминскаго только въ те-

ченіе двухъ лѣтъ обученія, и то отчасти, съ третьяго же года обученія проводится система его противниковъ: два года господствуетъ въ школѣ инородческій языкъ,—русскій занимаетъ второе мѣсто, въ слѣдующіе два года обученія—русскій языкъ, инородческій совсѣмъ изгоняется изъ школы, и даже на урокахъ Закона Божія, вслѣдствіе чего святое дѣло образованія и просвѣщенія инородцевъ, поставленное покойнымъ Н. И. Ильминскимъ такъ хорошо и съ такимъ блестящимъ успѣхомъ проводимое имъ, разстроилось, такъ какъ стало оно на другой путь и не достигаетъ тѣхъ благопріятныхъ результатовъ, какіе получались въ школахъ Н. И. Ильминскаго, почему и оканчивающіе въ настоящее время инородцы и русскаго языка не знаютъ, и общаго христіанскаго образованія не получаютъ.

Поэтому, остается пожелать, чтобы христіанскія истины и правила вѣры проводились въ сознаніе инородцевъ на ихъ родныхъ языкахъ, а для сего необходимо: 1, *чтобы преподаваніе Закона Божія и только этого одного предмета велось исключительно на инородческомъ языкѣ, если не всѣ четыре года обученія въ школѣ, то, по крайней мѣрѣ, до того времени, когда курсъ Закона Божія будетъ пройденъ на инородческомъ языкѣ по программѣ, съ исчерпывающей полнотой;* 2, *чтобы церковное пѣніе, церковное чтеніе и богослуженіе совершались на инородческомъ языкѣ,* и 3, *чтобы сообщеніе ученикамъ правилъ школьной жизни, знакомство учениковъ съ порядками и обрядами русской жизни и, вообще, сообщеніе всего того, что относится къ воспитательной части школы—производились на инородческомъ языкѣ. Наконецъ, для того, чтобы инородческія школы имѣли достаточно подготовленныхъ законоучителей для выполненія указаннаго пожеланія,—необходимо ввести на курсахъ, открытыхъ при Подлубовской второклассной учительской школѣ для приготовленія псаломщиковъ-законоучителей, преподаваніе инородческихъ языковъ—татарскаго, чувашскаго и черемисскаго, а также изученіе и опроверженіе ислама,—что въ высшей степени необходимо имъ, какъ будущимъ законоучителямъ инородческихъ школъ Уфимской Епархіи и сотрудникамъ приходскихъ священниковъ въ дѣлѣ миссіи.*

Въ противномъ случаѣ, т. е., если инородческія языки не будутъ допущены въ инородческія школы и церкви въ такомъ объемѣ, въ какомъ ими пользовались при Н. И. Ильминскомъ,

то всѣ инородцы Восточной Россіи, благодаря татарской пропагандѣ, которая проводится въ настоящее время путемъ житейскихъ сношеній,—сольются по языку и вѣрѣ въ одно татарское—магометанское племя.—„Пусть лучше эти мелкіе народности, какъ Чуваши, Черемисы, Мордва, Вотяки, Пермяки и другіе, населяющія Восточную Россію и Сибирь, благодаря допущенію ихъ родныхъ языковъ въ школы и храмы, нѣкоторое время поддержатся, зато съ русскимъ народомъ, а не съ татарами, они соединятся единствомъ вѣры"; а это духовное сродство послужитъ впослѣдствіи прочнымъ фундаментомъ для объединенія инородцевъ съ русскими и по языку (мысли Н. И. Ильминскаго), потому что „издавна началось и доселѣ неудержимо продолжается постепенное поглощеніе всѣхъ приволжскихъ инородцевъ, не только язычниковъ, но и крещеныхъ,— магометанствомъ и татарствомъ".—(Изъ письма Н. И. Ильминскаго къ К. П. Побѣдоносцеву, отъ 27 іюня, 1891 года).

„Нѣкогда сильное племя—Мещера—давно претворилось въ татаръ - магометанъ, сохранивши одно только свое племенное названіе".

„Въ составѣ нынѣшняго магометанско-татарскаго населенія Казанской губ. есть значительная несомнѣнная примѣсь чувашъ, черемисъ и вотяковъ, и теперь на нашихъ глазахъ цѣлыми деревнями отпадаютъ въ магометанство не только язычники, но и крещеные,— черемисы, вотяки и чуваши въ губерніяхъ—Пермской, Уфимской и другихъ, и дѣлаются татарами, подготовленные къ тому издавна и постепенно".

„Такимъ образомъ, ставится дилемма: если изъ опасенія отдѣльныхъ народностей не допустить инородческаго языка въ инородческія школы и церкви въ достаточномъ количествѣ для твердаго и полнаго, убѣжденнаго усвоенія христіанской вѣры, въ такомъ случаѣ всѣ инородцы сольются въ одно племя по языку и по вѣрѣ—въ татарское и магометантское.—Если-же допустить инородческіе языки, въ такомъ случаѣ, если-бы даже и поддержались народности, но разныя, мелкія, къ татарству не расположенныя и съ русскимъ народомъ соединенныя.—*Выбирайте!* Но я полагаю, что такія мелкія разрозненныя народности—не могутъ прочно существовать, и въ концѣ концовъ они сольются съ русскимъ народомъ самымъ историческимъ ходомъ жизни".

Глава III.

О преподаванiи въ инородческихъ школахъ русскаго языка въ связи съ обученiемъ грамотѣ инородческой и русской.

Третья глава настоящаго доклада представляетъ, по моему мнѣнiю, большой интересъ, такъ какъ затрагиваетъ очень важные и существенные вопросы; во-первыхъ, о томъ, какой языкъ долженъ быть господствующимъ при обученiи инородцевъ Восточной Россiи—русскiй или родной языкъ учащихся, и, во-вторыхъ, какимъ методомъ удобнѣе и скорѣе научить инородцевъ грамотѣ. Эти вопросы вызывали большiе споры и на страницахъ педагогической литературы и на многихъ съѣздахъ, устраиваемыхъ для выясненiя ихъ. Много по этимъ вопросамъ написано, много было говорено и, повидимому, они разрѣшены уже и выяснены съ исчерпывающей полнотой и, притомъ, не только теоретически, но и опытно, такими выдающимися знатоками инородческаго образованiя въ Россiи и апостолами просвѣщенiя инородцевъ, какъ Н. И. Ильминскiй и другiе. Поэтому, намъ, обыкновеннымъ, заурядным дѣятелямъ на нивѣ народнаго образованiя слѣдовало-бы лишь подчиниться этимъ корифеямъ педагогической науки и исполнять ихъ завѣты... Но, не смотря на это, я беру на себя смѣлость выступить съ настоящимъ докладомъ по этому трудному, важному, но спорному вопросу — съ единственною цѣлью—разобраться въ немъ, поискать лучшихъ и болѣе удобныхъ путей къ достиженiю намѣченной цѣли, съ тою мыслiю, что времена и лѣта проходятъ, а съ ними измѣняются не только условiя, но и самое содержанiе жизни человѣческой, и, быть можетъ, намъ удастся сократить, по возможности, старые пути, чтобы быстрѣе дойти до цѣли при выполненiи трудныхъ и серьезныхъ заданiй, предъявляемыхъ намъ по образованiю и просвѣщенiю инородцевъ Восточной Россiи, этихъ нашихъ меньшихъ братьевъ, большею частью блуждающихъ еще и до сихъ поръ во тьмѣ и сѣни смертнѣй.

Нисколько не претендуя на открытiе чего-либо новаго въ этой области, я желалъ-бы только, воспользовавшись тѣмъ матерiаломъ, который уже разработанъ по этому вопросу прежними

дѣятелями, предъ заслугами которыхъ преклоняется вся педагогическая Россія, руководясь отчасти и своимъ педагогическимъ опытомъ, совмѣстно съ другими, интересующимися этимъ вопросомъ, дѣйствительно найти болѣе кратчайшій путь къ достиженію намѣченной цѣли.

Не касаясь вопросовъ о христіанскомъ воспитаніи инородцевъ и о преподаваніи имъ Закона Божія, которые, какъ мнѣ кажется, съ достаточной полнотой выяснены въ предыдущей главѣ и не оставляютъ у меня уже болѣе сомнѣнія въ томъ, что прежніе, старые пути дѣятелей по просвѣщенію инородцевъ въ области воспитательной есть пока пути вѣрные и самые кратчайшіе, по которымъ слѣдуетъ непремѣнно и намъ идти,—въ 3-й главѣ настоящаго доклада, я, повторяю, при помощи уже разработаннаго матеріала, попытаюсь, насколько возможно, сократить путь, указанный покойнымъ Н. И. Ильминскимъ, къ достиженію второй цѣли, при выполненіи второй, не менѣе важной и не менѣе главной задачи инородческихъ школъ, — пріобщенія инородцевъ къ русской литературѣ, русской культурѣ, русской государственности, — совершающагося постепенно, путемъ восхожденія инородцевъ отъ изученія ими русскаго языка къ сліянію съ русскимъ народомъ, въ русскомъ государствѣ.

Такъ какъ въ настоящей третьей главѣ доклада необходимо будетъ разобраться во многихъ мелкихъ вопросахъ, вытекающихъ изъ самаго содержанія оглавленія ея, то я, чтобы не быть многословнымъ и не повторяться, сгруппировалъ весь матеріалъ, касающійся разъясненій по затронутому вопросу, въ слѣдующіе три отдѣла.

I.

Общія замѣчанія къ вопросу о преподаваніи русскаго языка въ инородческихъ школахъ и о значеніи родного языка при обученіи инородцевъ.

„Важнѣйшимъ послѣ Закона Божія предметомъ обученія въ инородческихъ школахъ долженъ быть русскій языкъ. Инородцы должны быть научены русскому языку такъ, чтобы доходили, какъ говорится въ программѣ Ильминскаго, до свободнаго и правильнаго разговора по-русски и до свободнаго же пониманія ими русской книги обыденнаго содержанія". (Циркуляръ Учил. Сов. при Свят. Синодѣ отъ 29 мая, 1899 г., за № 2965).

„Инородческія дѣти нуждаются, прежде всего, не въ книжномъ ученіи, а въ живомъ разговорѣ съ учителемъ — лучшемъ средствѣ усвоенія русскаго разговорнаго языка“. (См. программу по русскому языку для школы крещ. инор. Вост. Россіи Н. И. Ильминскаго). Въ той же программѣ Н. И. Ильминскаго рекомендуется въ старшемъ отдѣленіи инородческихъ школъ—„направить всѣ усилія на усвоеніе дѣтьми русскаго языка, такъ какъ знаніе его есть, конечно, самое необходимое и полезнѣйшее для русскаго подданнаго изъ всѣхъ другихъ знаній“.

„Русскій языкъ у насъ, въ крещено-татарской школѣ,“ говоритъ Н. И. Ильминскій: есть одинъ изъ предметовъ, который ученики усвояютъ тоже посредствомъ своего родного языка“. „Старый вопросъ“, говоритъ далѣе Н. И. Ильминскій: „употреблять-ли при преподаваніи въ инородческихъ школахъ русскій или родной языкъ, — опытомъ школы положительно рѣшается въ пользу родного языка. Одно механическое изученіе русской грамоты (ученикъ обыкновенно совсѣмъ не знающій русскаго языка не понимаетъ, что при этомъ онъ читаетъ), естественно, должно утомлять вниманіе и охлаждать любознательность“. *)

„Когда-же посредствомъ родного языка“, заключаетъ Н. И. Ильминскій: „достаточно уже пробуждена и воспитана въ ученикахъ любознательность вообще, они охотно и съ успѣхомъ занимаются русскимъ языкомъ и ищутъ русскаго образованія. Слѣдовательно, мысль нѣкоторыхъ педагоговъ вкоренять съ самаго начала въ инородческихъ воспитанникахъ русскій языкъ, посредствомъ исключительнаго употребленія его въ школѣ, должна повести къ противоположному послѣдствію. Напротивъ, первоначальное образованіе инородцевъ на ихъ родномъ языкѣ есть самый надежный путь къ усвоенію ими и русскаго языка, и русскаго образованія“.

Но позволяю себѣ въ этомъ усомниться. Не думаю, чтобы только одна любознательность, появляющаяся у инородцевъ, вслѣдствіе полученія ими вообще образованія на инородческомъ

*) А если изученіе русской грамоты будетъ не механическое, а сознательное и съ пониманіемъ, чего, какъ мнѣ кажется, возможно достигнуть послѣ извѣстнаго ряда разговорныхъ уроковъ, проведенныхъ учителемъ по изученію русскаго языка, хотя-бы даже натуральнымъ методомъ, то этотъ единственный доводъ Н. И. Ильминскаго въ пользу употребленія въ инородческихъ школахъ родного языка, какъ могучаго средства при изученіи русскаго, самъ собою падаетъ. Подробно объ этомъ ниже.

языкѣ, въ теченіе первыхъ только двухъ лѣтъ, послужила бы единственнымъ стимуломъ къ изученію русскаго языка и единственнымъ двигателемъ къ полученію русскаго образованія вообще. Я понимаю еще, что общее христіанское развитіе инородцевъ и постепенное пріобщеніе ихъ къ Православной русской Церкви и вѣрѣ можетъ подвинуть ихъ къ изученію русскаго языка, къ знакомству съ обычаями русской жизни и даже пробудить въ нихъ любовь къ этому народу, но никакъ не первоначальное образованіе на ихъ родномъ языкѣ. Я убѣжденъ, что только религіозно-нравственное воспитаніе инородцевъ въ духѣ Православной вѣры, проводимое пока въ силу необходимости на материнскомъ языкѣ учащихся и не два года, а во все время пребыванія инородцевъ въ школѣ, и параллельно съ нимъ, постепенное, но сознательное, съ пониманіемъ, а не механическое изученіе русскаго языка, проводимое въ школахъ естественнымъ путемъ, посредствомъ натуральнаго метода, въ продолженіе всего четырехлѣтняго курса, можетъ дѣйствительно пробудить любовь къ русскому народу, развить въ нихъ любознательность вообще и желаніе получить русское образованіе—въ частности.

По Циркулярному Указу Училищнаго Совѣта при Свят. Синодѣ, отъ 29 мая 1899 года, за № 2965, русскому языку отведено въ инородческихъ школахъ послѣ Закона Божія—второе мѣсто; въ дѣйствительности-же русскій языкъ въ этихъ школахъ занимаетъ третье мѣсто послѣ родного языка учащихся и имѣетъ второстепенное значеніе. „Главный интересъ обученія инородцевъ“, говоритъ Н. И. Ильминскій: „состоитъ не въ русскомъ языкѣ, а въ развитіи общечеловѣческихъ понятій, нравственныхъ началъ и убѣжденій и русскихъ симпатій; собственно русскій языкъ, самъ по себѣ, имѣетъ второстепенное, хотя и важное-же значеніе“. („На память о Н. И. Ильминскомъ, къ 25-лѣтію Братства Св. Гурія“. Братчикъ П. Знаменскій. Казань 1892 г., стр. 292).

Конечно, если имѣть въ виду, что инородческія школы преслѣдуютъ только цѣли общеобразовательныя, то взглядъ Н. И. Ильминскаго на этотъ предметъ совершенно правильный, и тогда, понятно, что изученіе русскаго языка будетъ имѣть второстепенное значеніе и занимать мѣсто на второмъ планѣ: но, если цѣлью инородческой школы, кромѣ миссіонерской, ставить еще—пріобщеніе инородцевъ къ русской культурѣ и государственности, тогда — наоборотъ,—господствующимъ языкомъ въ школѣ, (кромѣ уроковъ

Закона Божія и христіанскаго воспитанія инородценъ), долженъ быть языкъ русскій, который долженъ стоять на первомъ мѣстѣ, рядомъ съ *Закономъ Божіимъ* и имѣть первостепенное значеніе. Для достиженія этой цѣли необходимо исключить изъ программы инородческихъ школъ — родной языкъ учащихся, какъ лишній балластъ, оставивъ его въ качествѣ преподавательскаго только на урокахъ Закона Божія, и пользоваться имъ, съ перваго же года обученія инородцевъ въ школѣ и до окончанія ими курса въ ней, для цѣлей чисто воспитательныхъ, для насажденія и развитія въ сердцахъ инородцевъ православно-христіанскихъ идей. Обученіе же русскому языку и русскому чтенію производить безъ помощи инородческаго языка—натуральнымъ методомъ—всѣ четыре года обученія инородцевъ въ школѣ. При такой системѣ возможно будетъ выполнить съ одинаковымъ успѣхомъ обѣ главныя и важныя задачи инородческихъ школъ. Во-первыхъ, дѣти-инородцы глубже проникнутся христіанскимъ ученіемъ, если въ теченіе всѣхъ четырехъ лѣтъ будутъ проходить Законъ Божій и получать религіозно-нравственное воспитаніе на материнскомъ языкѣ, а слѣдовательно, и скорѣе пріобщатся къ Церкви—этимъ будетъ достигнута первая цѣль школы; во-вторыхъ, они болѣе навыкнутъ въ чтеніи русской книги и въ пониманіи русскаго языка, если всѣ четыре года пребыванія въ школѣ будутъ заниматься этимъ предметомъ,—теоретически, а, главнымъ образомъ, практически, при условіи, конечно, ничего не проходить безъ пониманія, какъ и вообще въ школѣ ничего не должно быть заучиваемо только механически;—такимъ образомъ, будетъ выполнена вторая задача школы и достигнута вторая, также главная цѣль ея—пріобщеніе инородцевъ къ русской культурѣ. Только при такой постановкѣ дѣла христіанскаго просвѣщенія инородцевъ—съ одной стороны и изученія ими русскаго языка—съ другой возможно будетъ примирить обѣ системы образованія инородцевъ: и Н. И. Ильминскаго и его противниковъ, стремящихся достигнуть осуществленія одной общей цѣли—сближенія и объединенія инородцевъ съ русскими, но двумя путями: первые—христіанскимъ просвѣщеніемъ инородцевъ на ихъ родномъ языкѣ всѣ четыре года обученія въ школѣ, вторые—путемъ правильной постановки преподаванія и изученія русскаго языка, этого главнаго предмета инородческихъ школъ, методомъ натуральнымъ,—въ теченіе всего времени пребыванія инородцевъ въ школѣ. Но должно замѣтить, что успѣшное про-

веденіе системы обрусительной будетъ всецѣло зависѣть отъ успѣховъ—умѣлаго, точнаго, рѣшительнаго и широкаго примѣненія системы Н. И. Ильминскаго на урокахъ Закона Божія во все время обученія дѣтей въ школѣ. И если первая дастъ инородцамъ знанія русскаго языка, то вторая водрузитъ въ инородческой школѣ знамя православія. Тогда сами собой отпадутъ тѣ несправедливыя нареканія на систему Н. И. Ильминскаго, которыя еще такъ недавно печатались на столбцахъ „Казанскаго Телеграфа“, будто Н. И. Ильминскій—„подмѣнилъ русское православіе инородческимъ“, такъ какъ „православіе, де, внѣ русской культуры и цивилизаціи не мыслимо“,—что „употребленіе инородческихъ языковъ изъ средства сближенія мелкихъ тюркскихъ и финскихъ племенъ съ русскимъ народомъ превратилось въ самоцѣль“ и что „нынѣ это искаженіе основной идеи доведено до послѣдней крайности и подъ видомъ примѣненія системы Н. И. Ильминскаго совершается открытое поощреніе руссофобскихъ стремленій и инородческаго сепаратизма“.

Н. И. Ильминскій говоритъ, что преподаваніе Закона Божія на родномъ языкѣ учащихся развиваетъ любовь къ русскому народу: если такъ, въ чемъ мы не сомнѣваемся, то сознательное, разумное и съ пониманіемъ изученіе языка этого народа еще болѣе разовьетъ въ инородцахъ эту любовь, возбудитъ любознательность ихъ и желаніе скорѣе получить русское образованіе.

Если же въ настоящее время въ инородческихъ школахъ замѣчаются слабые успѣхи по изученію русскаго языка, и механическое, безъ пониманія, чтеніе русской книги, то объясняется это крайне-прискорбное явленіе ненормальной постановкой русскаго языка въ этихъ школахъ.

Изученіе инородческаго алфавита, упражненія въ инородческомъ чтеніи (не на урокахъ Закона Божія), совершенно безцѣльномъ и ненужномъ, а для учащихъ, незнакомыхъ съ инородческимъ языкомъ — затруднительнымъ, неправильная постановка преподаванія русскаго языка — отдѣльно отъ русскаго чтенія, отсутствіе разговорныхъ уроковъ и объяснительнаго чтенія по натуральному методу, совершенное незнакомство большинства учителей съ натуральнымъ методомъ преподаванія чужого языка и, наконецъ, слабая подготовка самихъ учителей изъ инородцевъ по русскому языку—вотъ истинныя причины слабыхъ успѣховъ учениковъ-инородцевъ въ знаніи русскаго языка вообще, и въ чтеніи русскихъ книгъ,—въ частности.

Ненормальная и неправильная постановка преподаванія русскаго языка въ инородческихъ школахъ, вслѣдствіе чего получаются слабые успѣхи инородцевъ по этому предмету, могутъ вызвать, какъ это уже было въ Казанской Епархіи, и излишнія нареканія на систему Н. И. Ильминскаго, которая будто бы поддерживаетъ въ инородцахъ ихъ обособленность отъ русскихъ, способствуетъ ихъ самоопредѣленію и ведетъ къ сепаратизму—и, что вмѣсто обрусѣнія и слiянія съ русскими на почвѣ общаго языка, инородцы еще больше углубляются въ себя и сознательно уже не хотятъ пріобщиться къ русской культурѣ*). Поэтому, слѣдуетъ обратить особое и самое серьезное вниманіе на преподаваніе русскаго языка въ инородческихъ школахъ Восточной Россіи, такъ какъ дѣйствительно крещеные татары, а вслѣдъ за ними—чуваши, черемисы и вотяки, которые знаютъ разговорный татарскій языкъ, а не знаютъ языка русскаго, подвергаются большой опасности погибнуть въ магометанскомъ омутѣ, благодаря воздѣйствію на нихъ со стороны татаръ.

II.

Обученіе грамотѣ инородцевъ: изученіе алфавита инородческаго и чтеніе инородческихъ книгъ; начало занятій по русскому языку и переходъ отъ инородческаго чтенія къ русскому; полезно-ли и цѣлесообразно-ли начинать обученіе инородцевъ съ инородческаго алфавита и инородческаго чтенія.

По системѣ Н. И. Ильминскаго начинать образованіе инородцевъ надо непремѣнно съ природнаго языка учениковъ. „Чтеніе и преподаваніе должны быть прежде на татарскомъ языкѣ, а потомъ ученики должны постепенно упражняться въ русскомъ языкѣ".

Согласно циркулярнаго распоряженія Училищнаго Совѣта при Свят. Синодѣ отъ 29 мая, 1899 г., за № 2965-мъ—„преподаваніе русскаго языка должно начинать съ перваго года обученія послѣ двухъ съ половиной—трехъ мѣсяцевъ чтенія на инородческомъ языкѣ; объяснительное русское чтеніе вести при помощи инородческаго языка только въ теченіе двухъ первыхъ лѣтъ обу-

*) См. статью проф. В. Ф. Залѣсскаго, напеч. въ газ. *„Казанскій Телеграфъ"* за 1910 годъ.

ченія; съ 3-го же года обученія уже не прибѣгать къ помощи инородческаго языка. На русскомъ же языкѣ желательно, согласно системы Н. И. Ильминскаго, вести и обученіе счету".

„Обученіе чтенію начинается изученіемъ звуковъ и буквъ на своемъ природномъ нарѣчіи и чтеніемъ азбуки на инородческомъ языкѣ; далѣе, оно продолжается по книгамъ, изложеннымъ Православнымъ Миссіонерскимъ Обществомъ". (См. Объяснит. записку къ программѣ по родному яз.). Въ инородческихъ школахъ Казанской губерніи, по свидѣтельству Н. А. Бобровникова, бывш. директора Казанской Учительской Семинаріи (см. его книгу „Что такое хорошій урокъ. Изъ бесѣдъ съ учителями") изученіе русскаго языка начинается съ перваго дня обученія и занимаетъ сначала небольшое мѣсто, а потомъ оно постепенно увеличивается; при этомъ, говоритъ Н. А. Бобровниковъ: „учитель тщательно долженъ наблюдать, чтобы уроки русскаго языка были посильны дѣтямъ, чтобы обученіе интересовало дѣтей, а отнюдь не являлось скучнымъ и мудренымъ".

„Вопросъ о томъ, когда начинать занятіе русскимъ языкомъ", продолжаетъ Н. А. Бобровниковъ: „рѣшается различно, въ зависимости отъ внѣшнихъ условій. Нѣкоторые опытные педагоги, какъ напримѣръ — А. И. Анастасіевъ, б. директоръ Казанскаго Учительскаго Института, и И. Я. Яковлевъ, б. инспекторъ Чувашскихъ школъ, совѣтуютъ начинать уроки русскаго языка только со второго полугодія". „Я лично (Н. А. Бобровниковъ) думаю, что время начала занятій русскимъ языкомъ не имѣетъ большого значенія: можно достигнуть отличныхъ результатовъ, начавъ занятія даже со второго учебнаго года, лишь бы вести эти занятія правильно. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, какъ, напримѣръ, въ большинствѣ крещено-татарскихъ селеній Мамадышскаго уѣзда уже существуетъ сознательный запросъ на русскій языкъ, *можно начинать уроки его съ перваго дня обученія*, и съ перваго же дня порадовать родителей дѣтей ихъ успѣхами въ русскомъ языкѣ; въ мѣстностяхъ же, враждебно относящихся къ школѣ—полуязыческихъ или полумагометанскихъ, лучше оставить русскій языкъ до второго года, сосредоточивая все вниманіе на религіозно-нравственномъ развитіи учащихся".

Что же касается обученія чтенію инородцевъ, то, по мнѣнію Н. А. Бобровникова, оно можетъ быть производимо лишь на языкѣ, на которомъ ребенокъ говоритъ и думаетъ, и только послѣ

2—3-хъ мѣсяцевъ упражненій въ чтеніи по-инородчески, возможенъ болѣе легкій переходъ къ русскому чтенію. „Чтеніе по-русски“, говоритъ онъ: „допустимо въ это время лишь тѣхъ отдѣльныхъ словъ и фразъ, которыя уже заучены на разговорныхъ урокахъ русскаго языка“.

Такимъ образомъ, согласно системы Н. И. Ильминскаго и объяснительной запискѣ, приложенной къ программамъ русскаго языка и родного языка инородцевъ, и отзыва по этому вопросу Н. А. Бобровникова, сказанное выше можно формулировать слѣдующими положеніями: 1) изученіе инородческаго алфавита и чтеніе по инородческимъ книгамъ должно производиться первые 2—4 мѣсяца обученія въ школѣ; 2) Одновременно съ симъ изучается русскій изыкъ. 3) Переходъ къ изученію русскаго алфавита и къ русскому чтенію совершается послѣ 3—4 мѣсяцевъ упражненій въ чтеніи инородческихъ книгъ, и 4) въ младшемъ отдѣленіи инородческихъ школъ (2 года) преподавательскимъ языкомъ по всѣмъ предметамъ долженъ служить—инородческій языкъ, въ старшемъ (2 года)—русскій.

Анализируя настоящія положенія и вполнѣ раздѣляя лишь одно изъ нихъ—а именно второе,—объ изученіи русскаго языка инородцами съ самаго начала обученія въ школѣ, остальныя являются для меня спорными и сомнительными. Вопросъ о томъ,—съ какого алфавита и чтенія слѣдуетъ начинать обученіе грамотѣ инородцевъ—съ инородческаго, или русскаго и какъ вести преподаваніе русскаго языка и русскаго чтенія;—при помощи ли родного языка учащихся, т. е., методомъ переводнымъ, или безъ помощи этого языка, т. е., методомъ натуральнымъ—занимаетъ вниманіе педагогическаго міра и волнуетъ русское общество и до сего дня; представители двухъ противоположныхъ взглядовъ на поставленные вопросы остаются непримиримыми. Что же касается вѣдомствъ, руководящихъ народнымъ образованіемъ Россіи, то онѣ заняли въ этомъ вопросѣ, какъ видно, серединное положеніе, предлагая руководителямъ инородческаго образованія въ первые два года обученія вести преподаваніе всѣхъ предметовъ при помощи родного языка учащихся, начавъ обученіе ихъ съ инородческаго алфавита и чтенія, а послѣдніе два года по всѣмъ предметамъ исключительно на языкѣ русскомъ.

По поводу этого спорнаго вопроса я и позволяю себѣ доложить Съѣзду слѣдующее мое посильное разъясненіе.

Если русскій алфавитъ признается и самимъ Н. И. Ильминскимъ „весьма удобнымъ для первоначальнаго обученія грамотѣ инородцевъ“ и весьма легко ими усвояемымъ“,*) если инородческія книги печатаются русскими буквами, а крещено-татарскіе мальчики, говоритъ Н. И. Ильминскій, „не знавшіе прежде никакого письма, весьма легко пріучаются къ русскому письму, то не цѣлесообразнѣе ли сразу приступать къ изученію русской азбуки и къ русскому чтенію, предваряя эти занятія разговорными уроками по русскому языку, на которыхъ знакомить дѣтей инородцевъ и изучать съ ними, конечно, сознательно и съ пониманіемъ, натуральнымъ методомъ, тѣ слова и краткія фразы, которыя необходимы будутъ имъ при прохожденіи русскаго алфавита?.. Не цѣлесообразнѣе ли потомъ, по окончаніи изученія русскаго алфавита и послѣ нѣкотораго упражненія въ русскомъ чтеніи, показавъ дѣтямъ различіе въ написаніи буквъ несходныхъ звуковъ русскихъ съ инородческими, какъ это мы дѣлаемъ при переходѣ къ чтенію церковно-славянскому, перейти къ чтенію книгъ инородческихъ, относящихся къ преподаванію Закона Божія, въ цѣляхъ достиженія инородцами лучшихъ успѣховъ по этому предмету и для религіозно-нравственнаго усовершенствованія ихъ?..

Наконецъ, не полезнѣе ли, въ цѣляхъ болѣе прочнаго усвоенія русскаго языка и болѣе частаго упражненія въ разговорной русской рѣчи инородцевъ, то время, которое употребляется теперь въ школахъ на изученіе инородческаго алфавита и упражненіе въ чтеніи инородческихъ книгъ на урокахъ по родному языку и чтенію (4 часа въ младшемъ отдѣленіи и 2 часа въ старшемъ, см. прогр. инородч. школъ), посвятить занятіямъ по русскому чтенію и изученію русскаго языка?!

Сторонники первоначальнаго обученія инородцевъ на родномъ ихъ языкѣ въ доказательство своего взгляда приводятъ нѣсколько соображеній, по моему мнѣнію, мало убѣдительныхъ.

Первое изъ нихъ, это соображеніе Н. И. Ильминскаго, приведенное уже мною въ первомъ отдѣлѣ III главы настоящаго доклада къ вопросу объ употребленіи при преподаваніи въ ино-

*) По наблюденію учителей русско-башкирскихъ Оренбургской губерніи, башкирскіе дѣти легче выучиваются сначала русской грамотѣ и потомъ татарской, нежели наоборотъ: (Изъ дѣла канцеляріи Попеч. Каз. Уч. Окр. по 3-му столу, № 42, отъ 20 марта, 1870 г.).

родческихъ школахъ родного языка (см. 26 стр. доклада). — Полагаю, что этотъ доводъ Н. И. Ильминскаго послѣ выясненія его (см. примѣч. на стр. 26 докл.) долженъ отпасть, хотя, можно думать, что въ то время, когда жилъ и дѣйствовалъ Николай Ивановичъ, онъ былъ и доказательнымъ и сильнымъ, такъ какъ другими методами при обученіи инородцевъ не пользовались.

Слѣдующее соображеніе Н. А. Бобровникова; онъ говоритъ: „для того, чтобы ребенокъ научился разбирать слова въ книгѣ, нужно, чтобы онъ понялъ, что слово можетъ быть подраздѣлено на звуки,—что звуки изображаются буквами. Затѣмъ научиться, видя знаки звуковъ, догадываться, какое слово они изображаютъ. По самой сущности звукового метода, эта работа можетъ быть произведена лишь на языкѣ, на которомъ ребенокъ говоритъ и думаетъ. Звуки изображаютъ слова условно и приблизительно; ученикъ долженъ догадаться, какое извѣстное ему слово можетъ быть обозначено данными буквами, найти, такъ сказать, это слово въ своемъ сознаніи. Читаемое слово непремѣнно должно имѣть для ученика извѣстный смыслъ; это весьма облегчаетъ постиженіе мудрости, какъ изъ звуковъ составляются слова".

Мое разъясненіе по поводу этого соображенія Н. А. Бобровникова мною уже отчасти дано нѣсколько выше, гдѣ я высказался по данному вопросу въ томъ смыслѣ, что первоначальное обученіе инородцевъ грамотѣ надо начинать съ изученія русскаго алфавита и русскаго чтенія, а не инородческаго, уже послѣ извѣстнаго ряда разговорныхъ уроковъ, проводимыхъ натуральнымъ методомъ, на которыхъ ученики должны изучить сознательно, съ пониманіемъ и осмысленно—всѣ тѣ слова и краткія фразы, которыя понадобятся имъ къ уроку изученія русскаго алфавита и русскаго чтенія, продолжая эту параллельную работу по изученію русскаго яяыка и русскаго чтенія всѣ четыре года обученія инородцевъ въ школѣ.—Отсюда съ несомнѣнной очевидностью слѣдуетъ, что ученики-инородцы во время самаго процесса изученія русскаго алфавита и русскаго чтенія уже будутъ не только говорить, но и думать по-русски, такъ какъ смыслъ и значеніе каждаго составляемаго и разлагаемаго ими на части слова будутъ имъ извѣстны. И наоборотъ, если ребенокъ-инородецъ будетъ знакомиться съ русскими словами и заучивать ихъ переводнымъ методомъ, то естественнѣе всего, что и думать онъ будетъ больше по-инородчески, чѣмъ по-русски, такъ какъ въ

сознанiи его, въ моментъ изученія русскихъ словъ путемъ перевода ихъ на инородческій языкъ, первое мѣсто займутъ скорѣе всего ему знакомыя, близкія и родныя слова, а не русскія, для него чужія,—вслѣдствіе чего и упоминаніе русскихъ словъ будетъ слабѣе,—чѣмъ при заучиванiи тѣхъ-же словъ безъ перевода, методомъ натуральнымъ.

Наконецъ, принимая во вниманіе осуществленіе второй цѣли инородческихъ школъ—пріобщенія инородцевъ къ русскому народу, его литературѣ и культурѣ,—я считаю не педагогичнымъ и не цѣлесообразнымъ въ одно и то же время, на одномъ урокѣ упражняться и навыкать въ произношенiи звуковъ изучаемаго русскаго языка, на другомъ—ломать его въ пользу природнаго нарѣчія инородцевъ.—Не будетъ-ли такая работа взаимно-уничтожающей и не отвѣчающей цѣлямъ школы?!

Если мы оставляемъ инородческій языкъ и инородческое чтеніе на урокахъ Закона Божія, имѣя въ виду цѣль воспитательную, то дѣлаемъ это въ силу крайней необходимости и въ силу невозможности въ теченіе двухъ лѣтъ изучить русскій языкъ,—этотъ главный предметъ школы, настолько, чтобы возможно было на немъ дать дѣтямъ христіанское воспитаніе; если-же преподаваніе русскаго языка и русскаго чтенія будетъ поставлено въ инородческихъ школахъ правильно,—такъ, какъ это проэктируется нами, то черезъ нѣкоторое время требованіе употребленія инородческаго языка и на урокахъ Закона Божія значительно сократится.

Затѣмъ — говорятъ, что изученіе инородческаго алфавита и упражненіе въ инородческомъ чтенiи необходимо для уроковъ Закона Божія.

Знаніе инородческаго алфавита и чтеніе инородческое въ младшемъ отдѣленiи школы, во всякомъ случаѣ, въ первомъ году обученія, когда дѣти едва разбираются въ составленiи словъ, для цѣлей Закона Божія, который въ это время проходится со словъ законоучителя и путемъ бесѣдъ законоучителя съ дѣтьми, на ихъ природномъ языкѣ, — совершенно излишни, какъ излишни бываютъ книги на урокахъ Закона Божія въ это время и въ русскихъ школахъ. Во второмъ же году обученія, при правильной постановкѣ изученія русскаго языка и упражненій въ русскомъ чтенiи, когда дѣти уже достаточно навыкнутъ въ чтенiи и во всякомъ случаѣ настолько, что смогутъ разбирать слова почти безъ труда

и напряженія мысли, показавъ ученикамъ различіе въ написаніи буквъ нѣкоторыхъ звуковъ, несходныхъ по произношенію съ русскими, напримѣръ, по-черемисски: ы, ӱ, ӧ, по-вотски: ӟ, ј, ӧ, по-татарски: ӓ, ӧ, по-чувашски: ӗ, ӓ, ӱ, ç, ç, ѣ... и возможно будетъ дать ученикамъ для чтенія инородческія книги съ исключительною цѣлью помочь законоучителю въ дѣлѣ христіанскаго образованія дѣтей. Но нисколько не пострадаетъ Законъ Божій и никакого ущерба не будетъ нанесено христіанскому воспитанію дѣтей, если переходъ къ чтенію инородческихъ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія на урокахъ Закона Божія послѣдуетъ и въ 3-мъ году обученія, когда разбираніе словъ дѣтьми уже станетъ почти механическимъ.

Наконецъ, послѣднее соображеніе, это—то, что въ тюркскихъ нарѣчіяхъ совершенно отсутствуютъ нѣкоторые звуки, имѣющіеся въ русской азбукѣ, какъ, напримѣръ, въ татарскомъ языкѣ совсѣмъ нѣтъ в, ц, о, е и т. д., поэтому, говорятъ, и надо, чтобы инородцы сначала изучили звуки своего природнаго нарѣчія, алфавитъ, спеціально приспособленный къ ихъ языку, а затѣмъ уже переходили къ изученію алфавита русскаго.

Такой способъ обученія инородцевъ грамотѣ инородческой и русской я нахожу не педагогичнымъ, если неуклонно преслѣдовать вторую главную цѣль школы—пріобщеніе инородцевъ къ русской литературѣ.—Вѣдь и среди русскихъ дѣтей встрѣчаются такіе, которые не выговариваютъ нѣкоторыхъ звуковъ, напримѣръ,—ш, р, л, ч... т. е., эти звуки какъ бы отсутствуютъ у нихъ; однако, для этихъ дѣтей не составляютъ же особаго алфавита, примѣнительно къ спеціальному выговору ими этихъ звуковъ, а, наоборотъ, всѣми мѣрами стараются исправить эти недостатки, добиваясь отъ нихъ правильнаго произношенія звуковъ, чего и достигаютъ послѣ извѣстнаго ряда упражненій. Точно такъ должно поступать и по отношенію къ инородцамъ, неотчетливо выговаривающимъ нѣкоторые звуки русскаго алфавита, и я увѣренъ, что, при извѣстномъ пріемѣ (о немъ подробно—ниже), умѣньи и стараніи учителя, этотъ недостатокъ инородцевъ постепенно исправится.

Параллельное обученіе инородцевъ и русскому чтенію, и инородческому, хотя бы даже только два года, должно признать работой нецѣлесообразной и даже вредной для школы, ставящей своей цѣлью—пріобщеніе инородцевъ къ русскому языку путемъ

постепеннаго отдаленія ихъ отъ природныхъ нарѣчій. Слѣдующій примѣръ, думаю, достаточно убѣдитъ въ томъ. Такъ: татаринъ вмѣсто русскаго звука—„ж“ произноситъ „дж“. Учитель на урокѣ русскаго языка, послѣ извѣстнаго ряда упражненій, добился, наконецъ, отъ него почти правильнаго произношенія русскаго „ж“, и органы татарина постепенно пріучились къ правильному произношенію этого звука. Для завершенія этой весьма трудной и сложной работы, учителю остается далѣе слѣдить за тѣмъ, чтобы ученики больше не произносили своего природнаго „дж“, но, благодаря системѣ параллельнаго чтенія на обоихъ языкахъ, къ сожалѣнію, сдѣлать этого онъ не сможетъ, такъ какъ *сейчасъ* же, на урокахъ родного языка, татаринъ снова будетъ упражняться въ чтеніи своего природнаго „дж“ и, такимъ образомъ, работа учителя и учениковъ будетъ сведена почти къ нулю.

III.

Что вообще способствуетъ изученію инородцами русскаго языка? Какимъ методомъ лучше изучать русскій языкъ въ инородческихъ школахъ — натуральнымъ, — безъ помощи родного языка, или переводнымъ?

Въ Казанской Учительской Семинаріи, по свидѣтельству ея бывш. Директора Н. А. Бобровникова, принято, какъ основное положеніе, что удовлетворительные результаты по обученію русскому языку инородцевъ достигаются лишь въ случаѣ одновременнаго съ этимъ обученіемъ заботливаго отношенія учителя къ общему религіозно-нравственному и умственному развитію учащихся—инородческихъ дѣтей.

„Если“, говоритъ Н. А. Бобровниковъ: „учителю удастся пробудить любознательность дѣтей къ церковной и духовной жизни русскаго народа, открыть дѣтямъ хотя маленькій просвѣтъ на обширные свѣтлые горизонты православно-русскаго просвѣщенія, онъ удвоитъ, утроитъ силы дѣтей“, поэтому—„учитель, прежде всего, заботится о религіозно-нравственномъ и умственномъ развитіи дѣтей и ведетъ обученіе русскому языку такъ, чтобы отнюдь не мѣшать этому развитію“.

Въ другомъ мѣстѣ Н. А. Бобровниковъ подтверждаетъ, что успѣхи изученія инородцами русскаго языка зависятъ отъ воспитательнаго воздѣйствія учителя на учениковъ; поэтому, первое

время, когда дѣти мало знаютъ по-русски и имъ невозможно преподать и сообщить какія-либо наставленія на этомъ языкѣ, учитель параллельно съ заучиваніемъ словъ и выраженій по русскому языку, пользуясь роднымъ языкомъ, развиваетъ дѣтей, ежедневно бесѣдуетъ съ ними, разсказываетъ имъ, наставляетъ ихъ. „Я многократно замѣчалъ", говоритъ Н. А. Бобровниковъ: „что дѣти выигрываютъ и въ развитіи и особенно въ знаніи русскаго языка, основательное усвоеніе котораго требуетъ усиленной умственной самодѣятельности учащихся, если учитель на первыхъ порахъ не гонится за быстрыми видимыми успѣхами въ русскомъ языкѣ, а прежде всего заботится о подъемѣ душевныхъ силъ ребенка, о пробужденіи въ немъ религіознаго чувства".

„Нельзя развивать знаній ребенка, не развивая его сердца". Развитіе знаній должно слѣдовать за развитіемъ сердца. „Разъ учитель забылъ это и хлопочетъ только о скорѣйшемъ накопленіи знаній, онъ самъ подрываетъ корень, изъ котораго ребенокъ получаетъ силы" для усвоенія этихъ же знаній.

Итакъ,—удовлетворительные успѣхи инородцевъ въ русскомъ языкѣ могутъ быть достигнуты лишь при общемъ духовномъ пробужденіи дѣтей и при собственномъ ихъ усердіи къ изученію русскаго языка.

Таково мнѣніе Н. И. Ильминскаго, таковъ взглядъ на этотъ предметъ и другихъ педагоговъ Восточной Россіи,—дѣятельно и съ пользою руководившихъ образованіетъ инородцевъ уже нѣсколько десятилѣтій.

Это основное положеніе образованія просвѣщенія инородцевъ Казанской губерніи должно быть центральнымъ и доминирующимъ и во всѣхъ другихъ инородческихъ школахъ Восточной Россіи, и другого рѣшенія по этому вопросу быть не можетъ.

Остается, такимъ образомъ, открытымъ весьма спорный вопросъ о томъ, какимъ способомъ, или какимъ методомъ лучше, скорѣе и правильнѣе научить инородцевъ русскому языку, русскому чтенію — натуральнымъ, или переводнымъ..... Дебаты по этому вопросу уже нѣсколько десятковъ лѣтъ не сходятъ со страницъ педагогическихъ журналовъ и русскихъ газетъ, ратующихъ, то за переводной методъ, то за, такъ называемый, прямой предметный. Н. И. Ильминскій въ свое время разрѣшилъ этотъ вопросъ положительно въ пользу метода исключительно переводного, и особенно ясно высказался онъ въ этомъ направленіи по поводу

образованія киргизовъ Оренбургской губерніи: „обученіе русской грамотѣ киргизовъ“, говоритъ онъ: „должно идти непремѣнно на родномъ языкѣ“, „русское образованіе киргизовъ должно состоять въ томъ, чтобы развить въ населеніи степномъ общечеловѣческія понятія и русскія симпатіи; поэтому, оно должно носить не одинъ только учебный, но и воспитательный характеръ и проводиться по книгамъ на чистомъ киргизскомъ языкѣ, безъ всякой татарской примѣси“. Несомнѣнно, что по этому же идеалу Н. И. Ильминскій устроилъ и свою крещено-татарскую школу въ Казани.

Другіе педагоги и дѣятели по образованію инородцевъ Восточной Россіи разрѣшаютъ этотъ вопросъ иначе. Такъ, напримѣръ, Н. А. Бобровниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и многіе другіе (Анастасьевъ, Ислентьевъ, Михеевъ) допускаютъ, при изученіи русскаго языка инородцами, смѣшанный методъ, такъ называемый „натурально-переводный“, состоящій въ томъ, что учителя инородческихъ школъ при преподаваніи русскаго языка и русскаго чтенія держатся середины: „они“, говоритъ Н. А. Бобровниковъ: „не боятся пользоваться и роднымъ языкомъ дѣтей для объясненія новыхъ понятій, но и, не довольствуясь нагляднымъ объясненіемъ русскихъ словъ и выраженій, переводятъ и объясняютъ ихъ по-инородчески, хотя, гдѣ это возможно безъ ущерба для правильнаго развитія инородческихъ дѣтей и безъ усугубленія для нихъ учебной работы, употребляютъ и исключительно русскій языкъ“.

Въ защиту этого смѣшаннаго „переводно-натуральнаго“ метода Н. А. Бобровниковъ приводитъ слѣдующее соображеніе: „если вы показываете предметы дѣтямъ, названіе которыхъ они уже знаютъ, то чужое названіе легче и прочнѣе упоминается; если вы постараетесь образовать связь (ассоціацію) не только между предметомъ и новымъ словомъ, но введете въ эту связь такъ же слово, которымъ дѣти пользовались до сихъ поръ,—это нисколько не повредитъ усвоенію новаго слова, напротивъ, употребленіе знакомаго слова будетъ лишнимъ орудіемъ въ рукахъ учителя“.

Послѣднее соображеніе Н. А. Бобровникова, приведенное въ пользу переводно-натуральнаго метода, конечно, имѣетъ свой резонъ; но, къ сожалѣнію, оно не вполнѣ выяснено и не вполнѣ понятно, почему образуемая ассоціація между даннымъ предметомъ и его названіемъ, произнесеннымъ учениками по-русски и по-инородчески, будетъ дѣйствительно лишнимъ орудіемъ въ ру-

кахъ учителя при обученіи инородцевъ русскому языку?.. Вѣдь дѣти—инородцы при изученіи новаго русскаго слова, обозначающаго названіе какого-либо предмета, имъ извѣстнаго и показываемаго въ натурѣ или на картинѣ, при первомъ же взглядѣ на него, непремѣнно сами назовутъ его на своемъ нарѣчіи, если не вслухъ, то про себя и, таким ъ образомъ, сами же невольно свяжутъ изучаемое чужое слово со своимъ, т. е. образуютъ желаемую ассоціацію; поэтому я находилъ бы совершенно излишнимъ уже послѣ разсмотрѣнія самого предмета, или рисунка его, при изученіи названія его по-русски, непремѣнно воспроизводить это названіе и на инородческомъ языкѣ.

Въ нашихъ инородческихъ школахъ, согласно системы Н. И. Ильминскаго и разъясненія Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ, при изученіи русскаго языка и русскаго чтенія въ первые два года обученія въ школѣ пользуются роднымъ языкомъ учащихся, какъ преподавательскимъ, предварительно изучая инородческій алфавитъ и упражняясь въ чтеніи инородческихъ книгъ, съ произношеніемъ звуковъ природнаго нарѣчія инородцевъ и съ особеннымъ изображеніемъ буквъ, нарочито для сего сочиненныхъ,— натуральнымъ же методомъ почти не пользуются.

Правда, изучая русскій языкъ и русское чтеніе съ помощью родного языка учащихся, учитель не встрѣчаетъ того затрудненія, какое бываетъ у него, особенно въ первое время, когда онъ пользуется лишь только натуральнымъ методомъ. Изученіе чужого языка методомъ натуральнымъ, безъ помощи родного языка, требуетъ отъ учителя особаго вниманія, знанія, опыта и наличія необходимыхъ пособій, безъ коихъ почти невозможно достигнуть цѣли; при этомъ методѣ учитель и ученики должны больше работать, чѣмъ при пользованіи роднымъ языкомъ, но зато и трудъ ихъ вѣнчается болѣе прочными и основательными успѣхами. Настоящій выводъ иллюстрирую слѣдующимъ примѣромъ.

Ученики должны выучить осмысленно и съ пониманіемъ фразу: „мальчики идутъ въ школу". Изъ трехъ словъ этой фразы, кромѣ предлога „въ",—ученикамъ уже знакомо слово—„школа", знаютъ они и что такое—„школа". При изученіи этой фразы, съ помощью родного языка учащихся, учителю достаточно только перевести ее на инородческій языкъ, и дѣти уже поняли, о комъ говорится въ этомъ предложеніи, и что говорится; заучивъ каждое слово отдѣльно, а затѣмъ все предложеніе,—и урокъ сданъ. Повиди-

мому, дѣло изученія русскаго языка, при помощи родного нарѣчія учащихся, идетъ быстро, успѣшно и основательно. Но не такъ обстоитъ оно въ дѣйствительности. Быстро усвоенная учениками, посредствомъ перевода на ихъ языкъ, данная фраза, какъ не связанная съ представленіемъ самаго предмета и явленія его, также быстро и забывается. Не запечатлѣвается такъ глубоко эта фраза еще и потому, что она такъ легко далась, такъ быстро заучена; въ самомъ процессѣ проработаннаго упражненія, въ самомъ актѣ, такъ сказать, творенія предложенной къ заучиванію фразы не участвовали дѣти, отсутствовала творческая дѣятельность ихъ, не было самостоятельнаго возсозданія дѣйствительности. (Мысли Р. Гильдебранда, въ его книгѣ „о преподаваніи родного языка въ школѣ“). Заучивая слова и фразы чужого языка, въ данномъ случаѣ русскаго, дѣти все время думали не по-русски.

При изученіи же русскаго языка натуральнымъ методомъ, дѣло идетъ, правда, медленнѣе, зато результаты получаются болѣе основательные.

Иллюстрирую тѣмъ же примѣромъ: учитель раздѣльно произноситъ фразу: „мальчики идутъ въ школу“ и показываетъ картину, на которой изображены идущіе по дорогѣ дѣти съ книгами, а вдали—зданіе школы. Произнося слово „мальчики“, учитель показываетъ на картинѣ изображеніе ихъ; ученики, смотря на картину, повторяютъ это слово за учителемъ, и въ этотъ моментъ, если не вслухъ, то „про себя“, каждый обязательно произнесетъ или подумаетъ это слово на своемъ нарѣчіи, и, такимъ образомъ, сами дѣти невольно образуютъ ассоціацію, ту связь, о которой говоритъ Н. А. Бобровниковъ. Такъ же второе слово, третье; наконецъ, показывая общій видъ картины, заучиваютъ всю фразу цѣликомъ. При такомъ процессѣ упражненія предложенная фраза запечатлѣвается и закрѣпляется въ памяти дѣтей глубже, такъ какъ каждое заученное слово связано съ какимъ-нибудь предметомъ или явленіемъ; звуки изучаемыхъ словъ соединяются съ представленіемъ данной вещи, даннаго предмета; ученики работаютъ почти самостоятельно; и дѣйствительно, происходитъ какъ бы маленькій актъ творенія, а не схватываніе на лету, какъ это бываетъ при заучиваніи русскихъ словъ путемъ перевода ихъ на родной языкъ учащихся; наконецъ, заучивая русское слово безъ перевода, ученики будутъ и думать больше по-русски, чѣмъ поинородчески, а потому и упоминаніе заученныхъ, такимъ обра-

зомъ, словъ будетъ тверже, и запечатлѣются они въ памяти ребенка глубже.

„И, вообще, все достояніе въ области языка, какъ и все наше духовное достояніе“, говоритъ извѣстный національный нѣмецкій педагогъ, Р. Гильденбрандъ, „пріобрѣтается этими самыми маленькими твореніями внутри насъ, а не является поверхностнымъ налетомъ“; а что поверхностно схвачено, то, конечно, не прочно.

Такимъ образомъ, хотя при изученіи русскаго языка натуральнымъ методомъ и встрѣчается много трудностей какъ для учителя, такъ и для учениковъ, зато усвоеніе его всегда будетъ прочнымъ и основательнымъ. И это совершенно понятно, если принять во вниманіе, что, при заучиваніи словъ и выраженій натуральнымъ методомъ, мыслительная дѣятельность учащихся, ихъ внутреннее „я“ работаетъ больше, чѣмъ при усвоеніи того же путемъ перевода на родной языкъ.

Этимъ же натуральнымъ методомъ слѣдуетъ вести и русское чтеніе.

Что-же касается чтенія книгъ инородческихъ, то оно можетъ быть допущено въ инородческихъ школахъ, какъ это было сказано выше, лишь на урокахъ Закона Божія, и только потому, что другого выхода нѣтъ, нѣтъ пока болѣе лучшаго способа за короткое время пребыванія дѣтей въ школѣ—научить ихъ христіанскому вѣроученію и нравоученію, пріобщить ихъ къ православной вѣрѣ, какъ только путемъ материнскаго языка.

Итакъ, пользуясь инородческимъ языкомъ при преподаваніи Закона Божія, въ цѣляхъ чисто воспитательныхъ, учащіе инородческихъ школъ съ первыхъ же шаговъ свой дѣятельности приступятъ къ выполненію первой задачи школы, къ осуществленію первой ея цѣли; а, обучая инородцевъ русской грамотѣ и русскому языку, съ перваго же момента поступленія дѣтей въ школу, хотя и съ большимъ трудомъ, а вначалѣ и медленно, зато основательно, выполнятъ вторую, но главную задачу школы, осуществятъ не менѣе важную цѣль ея—пріобщеніе инородцевъ къ русской культурѣ,—повторяю, медленно, но зато съ пониманіемъ и осмысленно научатъ инородцевъ русской рѣчи, введутъ ихъ въ общую русскую семью.

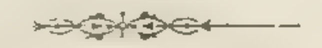
Только при такой системѣ обученія и просвѣщенія инородцевъ, послѣдніе, по выходѣ изъ школы, смогутъ читать и пони-

мать книги христіанскаго содержанія и на своемъ языкѣ, и на русскомъ, а затѣмъ и передать своимъ домашнимъ и сосѣдямъ все, что получили въ школѣ и что получатъ уже сами, путемъ чтенія, выйдя изъ нея.

Подводя итоги сказанному во всѣхъ трехъ отдѣлахъ III-й главы настоящаго доклада, выражаю слѣдующія три пожеланія, по вопросу обученія инородцевъ грамотѣ и преподаванія имъ русскаго языка. Во 1-хъ, чтобы велись въ инородческихъ школахъ предварительныя бесѣды учителя съ учениками на родномъ ихъ языкѣ, способствующія не только общему развитію дѣтей, но и подготовляющія благопріятную почву для болѣе осмысленнаго и сознательнаго изученія ими русскаго языка; во 2-хъ, чтобы занятія по русскому языку съ инородцами начинались съ самаго начала поступленія ихъ въ школу и велись натуральнымъ методомъ и въ 3-хъ, чтобы обученіе грамотѣ инородцевъ начиналось съ русскаго алфавита и русскаго чтенія и производилось параллельно съ изученіемъ русскаго языка, также методомъ натуральнымъ.

Въ виду этихъ пожеланій, для достиженія наибольшихъ среди инородцевъ успѣховъ по русскому языку и христіанскому просвѣщенію ихъ, наиболѣе полезнымъ въ настоящее время типомъ инородческой школы долженъ быть типъ одноклассной церковно-приходской школы, съ 4-хъ лѣтнимъ курсомъ обученія въ ней, при обязательномъ изученіи всѣхъ предметовъ, кромѣ Закона Божія, на русскомъ языкѣ, который долженъ быть въ дѣлѣ обученія инородцевъ господствующимъ языкомъ въ школѣ.

Надо полагать, что на 4-мъ году обученія—инородцы успѣютъ изучить русскій языкъ въ такой мѣрѣ, что уже почти безъ особеннаго труда возможно будетъ заниматься и по Закону Божію на русскомъ языкѣ; къ тому же времени и общее развитіе учениковъ-инородцевъ настолько поднимется, что учащіе школы, при нормальномъ теченіи школьной жизни, смогутъ въ достаточной мѣрѣ подготовить своихъ питомцевъ къ выпуску, вполнѣ и въ равной степени осуществивъ обѣ главныя и важныя цѣли инородческой школы: пріобщеніе инородцевъ къ Церкви и русскому государству.

Глава IV.

Возможно ли неупотребленіе инородческаго языка въ школѣ при изученіи русскаго языка и при обученіи инородцевъ русской грамотѣ. Краткій обзоръ методовъ преподаванія чужихъ языковъ въ школѣ: грамматическаго, натуральнаго, переводно-натуральнаго и переводнаго. О преподаваніи русскаго языка въ инородческихъ школахъ при помощи: разговорныхъ уроковъ, чтенія русской книги и предметной диктовки.

Полное неупотребленіе родного языка учащагося въ инородческихъ школахъ пока не возможно, такъ какъ изученіе русскаго языка, начинающееся съ первыхъ дней поступленія учениковъ въ школу, предваряется бесѣдами учителя съ учениками развивающаго характера: пріученіе дѣтей къ школьному обиходу, сообщеніе имъ необходимыхъ молитвъ, объясненіе ученикамъ правилъ русской жизни, назиданіе, нравоученіе и проч., производимыми исключительно на родномъ языкѣ учащихся.—Безъ употребленія инородческаго языка сдѣлать этого нельзя. „Миновать же указанныя бесѣды не педагогично, такъ какъ тогда умъ ученика очень продолжительное время будетъ питаться весьма скудною пищею—заучиваніемъ наизусть русскихъ словъ безъ пониманія значенія ихъ, вслѣдствіе чего развитіе учениковъ затормозится надолго". (Н. А. Б—въ).

Абсолютное неупотребленіе инородческаго языка возможно лишь при достаточной продолжительности учебнаго времени, и притомъ, не менѣе 6-ти лѣтъ пребыванія учениковъ въ школѣ; тогда возможно было бы первые два года обученія посвятить исключительно на изученіе одного только русскаго языка. Но этого, къ сожалѣнію, достигнуть въ настоящее время нѣтъ никакой возможности, а потому и распространяться по этому вопросу не приходится.

Нашъ взглядъ на этотъ предметъ ясно выраженъ въ пожеланіяхъ, высказанныхъ нами въ заключительной части III-й главы настоящаго доклада.

Я лично—принципіальный противникъ употребленія инородческихъ языковъ въ народной школѣ—вообще, и притомъ еще такихъ скудныхъ, младенческихъ и ограниченныхъ языковъ, какъ—чувашскій, черемисскій, вотскій, мордовскій, разговорный татарскій и др., которые не только не имѣютъ своей какой бы то ни было литературы, но и не способны даже передать самыхъ простѣйшихъ выраженій нашихъ богослужебныхъ книгъ, не говоря уже о богословскихъ истинахъ христіанскаго вѣро-нравоученія; но я стою за частичное употребленіе этихъ языковъ на урокахъ Закона Божія и на бесѣдахъ учителя съ учениками нравственнаго характера только въ силу необходимости, такъ какъ другого выхода изъ этого положенія—нѣтъ.

Но, будучи сторонникомъ частичнаго употребленія инородческихъ языковъ въ школѣ, я являюсь непримиримымъ противникомъ употребленія этихъ языковъ при изученіи инородцами русскаго языка и при обученіи ихъ русскому чтенію, даже хотя бы въ видѣ исключенія, и стою только за методъ натуральный, естественный, пользуясь которымъ и возможно, по моему мнѣнію, правильно и основательно научить дѣтей инородцевъ — русскому языку, и обучить ихъ русскому чтенію. О значеніи и преимуществѣ натуральнаго метода передъ другими подробно я высказался въ предыдущей III главѣ настоящаго доклада; поэтому, теперь останавливаться на этомъ вопросѣ я не буду, а перейду прямо къ краткому обзору перечисленныхъ въ оглавленіи методовъ и къ описанію способа преподаванія русскаго языка въ инородческихъ школахъ методомъ натуральнымъ съ цѣлью познакомить съ нимъ г.г. учителей, хотя отчасти, возбудить ихъ интересъ и показать, какой изъ указанныхъ методовъ болѣе примѣнимъ въ инородческой школѣ. Матеріалъ для сего я извлекаю изъ прекрасной книги Н. А. Бобровникова—„Что такое хорошій урокъ. Изъ бесѣдъ съ учителями“, издан. 1913 г. Книжн. магаз, Маркелова и Шаронова въ Казани.

А. Методъ грамматическій.

Грамматическій методъ состоитъ въ изученіи грамматики чужого языка, въ уясненіи отличій изучаемаго языка, его грамматическаго и синтаксическаго строенія—отъ языка, на которомъ говоритъ учащійся, и въ заучиваніи нѣкоторыхъ словъ, — послѣ чего слѣдуетъ переводъ съ изучаемаго языка на родной и обратно.

Этотъ методъ примѣнимъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ языки изучаются сознательно и гдѣ грамматику своего языка изучаютъ систематически. Въ начальныхъ школахъ, особенно-же въ инородческихъ, гдѣ грамматика почти отсутствуетъ и гдѣ учащіе имѣютъ дѣло съ дѣтьми, далеко уступающими по развитію ученикамъ средней школы, грамматическій методъ не примѣнимъ.

Б. Натуральный методъ.

Теоретически натуральный методъ выражается въ слѣдующемъ: „учись чужому языку такъ, какъ ты былъ учимъ языку своей матери", практически сводится къ тому, что учитель не пользуется роднымъ языкомъ, а исключительно самимъ предметомъ, или рисункомъ этого предмета, названіе котораго изучается.

Ученикъ разсматриваетъ предметъ или рисунокъ его въ классѣ, затѣмъ за учителемъ изучаетъ названіе предмета и его частей, составляетъ фразы. Фразы повторяются. Сначала ученики изучаютъ названіе ближайшихъ предметовъ и простѣйшихъ дѣйствій, затѣмъ болѣе отдаленныхъ, но всегда предметы и дѣйствія показываются ученикамъ. Книжка имѣетъ второстепенное значеніе.

Натуральные методы Гуэна и Шельцеля.

Изученіе языка по Гуэну начинается съ изученія языка объективнаго, служащаго для выраженія явленій внѣшняго міра, и ведется разговорными уроками по темамъ, разбитымъ Гуэномъ на слѣдующіе роды: 1. Человѣкъ. 2. Четвероногое. 3. Птица. 4. Пресмыкающееся. 5. Насѣкомое. 6. Растеніе. 7. Стихіи. Далѣе слѣдуетъ изученіе языка субъективнаго, выражающаго душевныя явленія: 1. Похвала. 2. Порицаніе. 3. Совѣтъ. 4. Жалованье. 5. Замѣчаніе. 6. Выговоръ. 7. Поощреніе. 9. Угроза. И, наконецъ, изученіе языка образнаго, служащаго для выраженія идей, понятій идеальнаго міра; для этой цѣли выбираются подходящія выраженія языка объективнаго и субъективнаго, придавая этимъ выраженіямъ особое значеніе, уподобляя ту или иную идею явленію реальному. Напримѣръ, если порокъ представляется нашему уму схожимъ съ грязнымъ болотомъ, то мы можемъ сказать: „погрузиться въ порокъ"; если съ сорнымъ растеніемъ, то мы можемъ говорить: „объ искорененіи порока". Образный языкъ долженъ быть привитъ къ языку объективному: надо видѣть корни растеній и понимать значеніе слова — „искоренять", т. е., уничтожать корни, чтобы понять выраженіе: „искоренять порокъ".

Темы разговорныхъ уроковъ по Шельцелю: 1. Доска, грифель, книга, стулъ, столъ. 2. Дверь, окно, печка, доска, скамья. Да, нѣтъ. 11. Пальто, сапоги, башмаки, чулки, передникъ. У кого есть?

13. Образованіе множественнаго числа отъ слѣдующихъ именъ существительныхъ: книга, доска, тетрадка, карандашъ, линейка, ручка, дверь, сюртукъ, шайка, куртка, нога, рука, мальчикъ, дѣвочка.

24. Одинъ, два, три, четыре, крестъ, кругъ, повтори, повторите, считать, считайте. 42. Я читаю, рисую, пишу. Ты читаешь, рисуешь, пишешь. Что я дѣлаю? Что ты дѣлаешь?

102. Описаніе классной доски.

125. Щеки, лобъ, подбородокъ, ногти. Правая и лѣвая рука, (ноги), правый и лѣвый глазъ; подними правую руку, подними лѣвую руку.

По методу Г. Ислентьева, упражненія въ русскомъ языкѣ ведутся наглядными разговорными уроками, какъ и у Шельцеля, но сопровождаются русскимъ чтеніемъ и письмомъ.

В. Переводно-натуральный методъ.

Букварь, учебники и руководства къ изученію русскаго языка въ инородческихъ школахъ, составленные извѣстнымъ педагогомъ Казанскаго края И. С. Михеевымъ, примѣнены къ переводно-натуральному методу, который состоитъ, по словамъ автора, въ слѣдующемъ: „Русскія слова и обороты учитель сообщаетъ инородцамъ наглядно: показавъ предметъ, его дѣйствіе, или состояніе, учитель называетъ его по-русски, дѣти повторяютъ за нимъ хоромъ, или въ одиночку. Если нельзя показать самаго предмета, учитель довольствуется его рисункомъ. А если слово не поддается наглядному объясненію, учитель прибѣгаетъ къ помощи родного языка учащихся. Къ помощи же инородческаго языка учитель долженъ прибѣгать при объясненіи употребленія грамматическихъ формъ русскаго языка и тогда, когда желаетъ убѣдиться, вѣрно-ли поняли инородческія дѣти сообщенныя имъ русскія слова и фразы“.

Г. Переводный методъ.

По этому методу все изученіе русскаго языка основано исключительно только на переводѣ.

Представителемъ этого метода въ инородческихъ школахъ Восточной Россіи является Н. И. Ильминскій. Вотъ его мнѣніе по этому предмету, узаконенное Высочайше утвержденными правилами—о мѣрахъ къ образованію инородцевъ—26 марта, 1870 года: „для дѣтей инородцевъ, весьма мало обрусѣлыхъ и почти не знающихъ русскаго языка, учреждаются особыя школы, въ которыхъ первоначальное преподаваніе совершается на инородческихъ нарѣчіяхъ и дѣти обучаются на своемъ родномъ нарѣчіи и по учебнымъ книгамъ на томъ же нарѣчіи".—„*Въ то-же время дѣти, при помощи мѣстныхъ нарѣчій, обучаются русскому разговорному языку* посредствомъ нагляднаго обученія, и затѣмъ, какъ только усвоятъ себѣ довольно значительный запасъ русскихъ словъ и выраженій, начинаютъ обучаться русской грамотѣ (чтенію и письму совмѣстно), продолжая въ то же время обучаться и русскому разговорному языку, при чемъ это наглядное обученіе и обученіе грамотѣ должны все время восполнять и помогать другъ другу, содѣйствуя какъ умственному развитію дѣтей черезъ ознакомленіе ихъ съ окружающимъ ихъ міромъ, такъ и большему по возможности усвоенію ими русскаго языка, *съ непремѣннымъ переводомъ читаннаго по-русски на мѣстное инородческое нарѣчіе*".

Извѣстные педагоги Казанскаго края: Н. А. Бобровниковъ, А. И. Анастасьевъ, И. С. Михеевъ, Г. Ислентьевъ, А. Рождествинъ, И. Яковлевъ и др., придерживаются въ своей педагогической практикѣ по образованію инородцевъ—метода „переводно-натуральнаго", или какъ они его называютъ — „наглядно-переводнаго", т. е., не поддающіяся наглядному объясненію русскія слова и выраженія переводятъ и объясняютъ по-инородчески, хотя и допускаютъ, „гдѣ это возможно безъ ущерба для правильнаго развитія инородческихъ дѣтей и безъ усугубленія для нихъ учебной работы, употреблять исключительно русскій языкъ". (Н. А. Бобровниковъ).

Соображенія сторонниковъ переводно-натуральнаго метода въ пользу употребленія этого метода слѣдующія.—Н. А. Бобровниковъ: „Незнаніе учителемъ инородческаго языка затруднитъ для него передачу ученикамъ нагляднымъ образомъ названія, напримѣръ, качествъ предмета, оттѣнковъ въ значеніи словъ, значенія глагольныхъ формъ и проч.... Какъ, напримѣръ, показать значеніе словъ: красный, мягкій, твердый, прыгать, скакать,

думать, мечтать и т. п. При полномъ неупотребленіи и незнаніи учителемъ языка дѣтей,—показать этого невозможно".

Тѣ же мысли по этому вопросу высказываютъ и другіе педагоги, противники употребленія при изученіи инородцами русскаго языка одного только метода натуральнаго; напримѣръ, И. Яковлевъ говоритъ: „но, если стараться все объяснить ученикамъ только наглядно, выйдетъ лишняя трата времени, и самыя занятія могутъ доходить до смѣшного, въ придумываніи разныхъ искусственныхъ пріемовъ для нагляднаго объясненія. Чтобы наглядно объяснить слово „бѣгаемъ", нужно прибѣгнуть къ пресмѣшнымъ сценамъ и устраивать прямо-таки курьезное развлеченіе. Не лучше ли это слово сказать по-русски и перевести на родной языкъ учениковъ? Не все и можно изобразить наглядно. Какъ изобразить фразы: „Мать любитъ дѣтей", „Лѣность — мать пороковъ", „Безъ Бога ни до порога" и другія отвлеченности?

Въ противовѣсъ этому единственному соображенію, приводимому въ пользу переводно-натуральнаго метода сторонниками послѣдняго, привожу слѣдующія соображенія К. Э. Щельцеля, сторонника употребленія при изученіи русскаго языка въ инородческихъ школахъ исключительно натуральнаго метода. На замѣчаніе первыхъ о томъ, что невозможно передать нагляднымъ образомъ названія качествъ предметовъ, напримѣръ, — красный, мягкій, твердый и проч., показать значеніе такихъ словъ, какъ „прыгать", „скакать" и изобразить отвлеченныя фразы: „Лѣность— мать пороковъ", „Мать любитъ дѣтей" и проч., К. Э. Шельцель отвѣчаетъ: „въ тѣхъ случаяхъ, когда предметы, о которыхъ идетъ рѣчь, не могутъ быть показаны учащимся или не доступны полной наглядности, ихъ должно замѣнить моделями или хорошо исполненными рисунками". Полагаю, что на рисункѣ возможно показать дѣтямъ цвѣта: красный, синій и проч. Прекрасными пособіями могутъ служить картины И. Фену „изъ русской жизни и природы" съ объяснительнымъ текстомъ А. П. Коренева.

„По мѣрѣ надобности, учениковъ необходимо водить въ садъ, во дворъ, въ поле, чтобы каждое новое русское слово непремѣнно связывалось съ соотвѣтствующимъ ему предметомъ".

„Точно также слѣдуетъ поступать при заучиваніи названій тѣхъ качествъ и свойствъ предметовъ, которыя доступны нашимъ внѣшнимъ чувствамъ. — На предметахъ слѣдуетъ выяснять, что значатъ слова: большой и маленькій, высокій и низкій, громкій

и тихій, кислый и сладкій, мягкій и твердый, тяжелый и легкій, и т. п. Но при этомъ недостаточно показать только одинъ предметъ, обладающій свойствомъ, о которомъ идетъ рѣчь; необходимо, по мѣрѣ возможности, познакомить дѣтей съ цѣлымъ рядомъ предметовъ, имѣющихъ разсматриваемое свойство".

„Наряду съ наглядностью, въ прямомъ значеніи этого слова, существуетъ еще наглядность въ переносномъ, болѣе широкомъ смыслѣ, наглядность внутренняя, или умственная, примѣняемая къ изученію понятій отвлеченныхъ, недоступныхъ внѣшнимъ чувствамъ. Умственная наглядность состоитъ въ томъ, что отвлеченныя понятія или положенія выясняются при помощи частныхъ фактовъ, живыхъ явленій и образовъ, въ которыхъ ярко отражаются свойства или особенности, выражаемыя отвлеченными понятіями. Такъ, напримѣръ, исторія сотворенія міра даетъ наглядное понятіе о всемогуществѣ Творца, разсказъ о грѣхопаденіи—понятіе о грѣхѣ, притча о милосердномъ самарянинѣ—понятіе о любви къ ближнему".

Словомъ, „источниками, откуда могутъ быть почерпнуты образцы личностей для объясненія нѣкоторыхъ отвлеченныхъ понятій, могутъ служить: Священная исторія Ветхаго и Новаго Завѣта, преимущественно, притчи; поэтическія произведенія, въ особенности басни, напримѣръ, басня „Ворона и Лисица", въ которой нарисованъ живой образъ льстеца—понятіе о лести. Затѣмъ исторія, по возможности, русская, и, наконецъ, собственный вымыселъ преподавателя". Болѣе подробныя свѣдѣнія о наглядности можно найти въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: П. Каптеревъ „Дидактическіе очерки" С.П.Б. 1885 г.; Зимницкій „Условія и пріемы объяснительнаго чтенія". М. 1884 г.

„Если учащимся въ простыхъ предложеніяхъ было разсказано о томъ, что даютъ отецъ и мать ребенку, или—что они для него дѣлаютъ, то выраженія: „мать любитъ ребенка", „отецъ любитъ своего ребенка", „отецъ добръ", „мать добра"—будутъ для нихъ совершенно понятны. Такимъ образомъ, съ помощью примѣровъ можетъ быть выяснено значеніе словъ: „прилежный, лѣнивый, добрый, злой, полезный, вредный, и т. д." *„Особенно часто приходится пользоваться внутренней наглядностью въ старшихъ отдѣленіяхъ инородческой школы"*.

„При объясненіи словъ, обозначающихъ близкія между собою понятія, какъ-то: грустный—печальный, ветхій—старый, трудъ—

работа, путь—дорога, необходимо выяснить особенности употребленія ихъ въ рѣчи".

„При объясненіи словъ, выражающихъ высшія родовыя понятія, необходимо указать на ихъ ближайшія видовыя. Такъ, для объясненія понятія—плодъ, необходимо перечислить видовыя его понятія: груши, яблоки, сливы и т. д."

Въ инородческихъ школахъ игры являются однимъ изъ удобныхъ и доступныхъ средствъ для ознакомленія дѣтей съ русскою рѣчью: „съ одной стороны—дѣти легко усваиваютъ при помощи игръ новыя слова и выраженія, съ другой—они охотно примѣняютъ на практикѣ усвоенное на урокахъ русскаго языка. Въ виду этого желательно, чтобы преподаватель познакомилъ учащихся съ нѣсколькими играми, связанными съ разговоромъ".

„Преподаватель можетъ также воспользоваться и легкими гимнастическими упражненіями, которыя дадутъ ему возможность познакомить дѣтей со словами команды: направо, налѣво, бѣгомъ, шагомъ, стройся попарно, стройся въ ряды, и съ названіями частей тѣла. Въ хорошую погоду такія упражненія могутъ производиться во дворѣ". Поэтому, при наглядномъ объясненіи словъ „прыгать", „скакать" и „бѣгать", учителю не нужно прибѣгать „къ пресмѣшнымъ сценамъ и устраивать прямо-таки курьезное развлеченіе", какъ о томъ заявляетъ Г-нъ И. Яковлевъ.

„Разумѣется, могутъ представиться случаи, когда учителю придется, въ видѣ исключенія, прибѣгнуть къ помощи родного языка. Это можетъ случиться, во-первыхъ, тогда, когда школы еще не достаточно снабжены пособіями для нагляднаго обученія; во-вторыхъ, когда объясненіе нѣкоторыхъ отвлеченныхъ понятій можетъ представить для учителя значительныя затрудненія, или же это объясненіе потребуетъ слишкомъ много времени и, наконецъ, когда родной языкъ является для учителя единственнымъ средствомъ быть понятымъ учащимися".

Итакъ, изученіе русскаго языка въ инородческихъ школахъ методомъ натуральнымъ, безъ помощи родного языка учащихся, послѣ разъясненій г. Шельцеля, становится дѣломъ вполнѣ осуществимымъ, и, хотя потребуетъ отъ учителя много терпѣнія и выдержки, особаго навыка и осмотрительности, а въ первое время, быть можетъ, онъ встрѣтитъ и серьезныя затрудненія, зато успѣхи учениковъ будутъ болѣе прочными, чѣмъ при изученіи этого языка смѣшаннымъ методомъ—„переводно-натуральнымъ".

Преподаваніе русскаго языка въ инородческихъ школахъ натуральнымъ методомъ при помощи: разговорныхъ уроковъ, чтенія русской книги и диктовки.

А. Разговорные уроки.

Обученіе чтенію не слѣдуетъ смѣшивать съ обученіемъ русскому языку: первое слѣдуетъ за вторымъ.

До чтенія русской книги инородцы изучаютъ русскій языкъ; при этомъ должно стремиться къ достиженію двухъ цѣлей: а) вырабатывать у учениковъ правильное русское произношеніе и б) учить ихъ русскимъ словамъ и фразамъ.

а.

Въ тюркскомъ нарѣчіи не совмѣстимы въ одномъ словѣ мягкія и твердыя гласныя, и органы татарина не пріучены къ произношенію такихъ словъ, въ которыхъ встрѣчаются тѣ и другія гласныя; напримѣръ, русское слово „деготь" татаринъ произноситъ „дюгеть", помело—„пумала". Затѣмъ, русскихъ гласныхъ: „о" и „е" и согласныхъ „в" и „ц" въ татарскомъ языкѣ нѣтъ: слово „школа" онъ произноситъ „шкула", „попъ"—„пупъ", „ведро"—„бидра", „ситецъ"—„ситсы", „вѣдь"—„бит", „заводъ"—„забут".—Поэтому, должно вести съ учениками систематическія упражненія для выработки русскаго произношенія этихъ именно слоговъ, не свойственныхъ языку инородцевъ безъ толкованія и перевода словъ,—подобно тому, какъ при голосовыхъ упражненіяхъ не поютъ пѣснопѣній, а только отдѣльные гласные звуки.

Сначала идутъ упражненія въ произношеніи отдѣльныхъ слоговъ: вед-ро, се-ре-бро, и т. д., потомъ словъ: ведро, серебро, зелено и т. д., безъ выясненія значенія этихъ словъ.—Пособіемъ для этого рода упражненій можетъ служить „Сборникъ складовъ и слоговъ для выработки правильнаго русскаго произношенія" Священника П. В. Васильева, Изд. Казанской Переводческой Комиссіи.

Работа эта продолжается первые два—три года обученія въ школѣ инородцевъ отдѣльно отъ уроковъ изученія русскаго языка, ежедневно, по два, три раза въ день, въ совокупности до 15 минутъ.

б.

Изученіе русскихъ словъ и фразъ производится ежедневно съ первыхъ дней поступленія учениковъ въ школу, — путемъ исключительно разговорныхъ уроковъ, особенно вначалѣ, и продолжается не болѣе 20—30 мин. въ день; затѣмъ, продолжительность ихъ можетъ быть увеличена. Для каждаго разговорнаго урока учитель долженъ заранѣе приготовить нѣкоторое количество словъ для заучиванія учениками: слова должны быть подобраны по значенію и имѣть между собою логическую связь. Пособіемъ для подбора словъ могутъ служить „Сборники словъ", изданные г. Бобровниковымъ, подобранные для болѣе удобнаго заучиванія.

Заучиваніе словъ производится методомъ натуральнымъ.

Для примѣрнаго подбора словъ — привожу перечень именъ существительныхъ и глаголовъ: гумно, токъ, скирдъ, копна, снопъ, колосъ, мякина, солома, кузовъ, мѣшокъ, пологъ, пудовка, лукошко, мякиница, лопата, грабли; вязать, кидать, вѣять.

Подборъ именъ прилагательныхъ: семейный, одинокій, холостой, женатый, вдовый, многосемейный, или: толстый, крупный, тонкій, мелкій, глубокій, высокій...

Выясненіе значенія этихъ словъ производится на примѣрахъ: Иванъ семейный, Петръ одинокій, бревно толстое, лѣсъ крупный, зерно мелкое.

Такимъ образомъ, первой подготовкой учителя къ разговорному уроку является выборъ словъ, которыя, по предварительномъ выясненіи значенія каждаго изъ нихъ методомъ натуральнымъ, заучиваются наизусть, а если ученики уже читаютъ, то прочитываютъ ихъ по книгѣ.

Затѣмъ, второй подготовкой учителя къ разговорному уроку будетъ уже выборъ имъ опредѣленной грамматической темы, опредѣленныхъ оборотовъ: предлогъ, согласованіе, образованіе того или другого времени въ глаголахъ, той или иной формы въ существительныхъ и проч. Новыхъ оборотовъ на каждомъ урокѣ не должно быть болѣе одного. Вотъ примѣрный урокъ учителя съ учениками на предлогъ — „у".

Учитель предлагаетъ ученикамъ говорить ему съ предлогомъ „у"—сначала заученныя слова, а потомъ вмѣстѣ съ ними и слова, ранѣе выученныя, съ прибавкою къ нимъ какихъ-нибудь прилагательныхъ или мѣстоименій. Учитель: „копна", Ученикъ: „у

нашей дальней копны". Учитель: „стогъ", Ученики: „у нашего дальняго стога". Учитель: „гумно", Ученики: „у нашего дальняго гумна".

Урокъ на измѣненіе глаголовъ, по временамъ. Учитель: „я вижу", Ученикъ: „я видѣлъ". Учитель: „я слышу", Ученикъ: „я слышалъ". По усвоеніи изучаемаго оборота составляются фразы по прежде пройденному, въ связи съ новыми словами, и дается письменная работа, если ученики уже пишутъ: „я вчера стоялъ у нашей дальней копны", „я завтра буду вѣять у нашей большой клади", и т. п.

Иногда разоговорные уроки производятся сразу съ тремя отдѣленіями. Учитель: „копна". Младшіе: „копна". Средніе: „большая копна". Старшіе: „У большой копны". Письменная работа провѣряется тотчасъ же.

Еще одинъ планъ разговорнаго урока.

Ученики знаютъ значеніе предлога „на" при вопросѣ „куда?" Учитель беретъ грамматической темой — значеніе и употребленіе этого предлога на вопросъ — „гдѣ"? Назначено заучить слова: дорога, плетень, калитка, дорожка, гряда. Начинается урокъ. Заучиванье со слуха новыхъ пяти словъ, объясненіе ихъ по натуральному методу, повтореніе ихъ классомъ отчетливо и вѣрно. Послѣ нѣкотораго запамятованія ихъ, учитель пишетъ эти слова столбцомъ на доскѣ; ученики записываютъ ихъ въ свои тетради, или читаютъ ихъ по книгѣ-учебнику. Затѣмъ составляются и заучиваются фразы: „я иду на огородъ", „на дорогу".., „я стою въ огородѣ", „на дорогѣ" и проч. Добившись правильнаго и сознательнаго произношенія этихъ фразъ, учитель составляетъ новыя фразы изъ этихъ уже изученныхъ, и другихъ, уже извѣстныхъ ученикамъ, словъ, напримѣръ: „я стою на грядѣ", „я иду на гряду", „я смотрю на капусту", „я наступилъ на листокъ" и проч.

За этими упражненіями слѣдуетъ тотчасъ же письменная работа: запись въ тетрадь заученныхъ словъ и выраженій съ предлогомъ „на", при вопросахъ: „гдѣ" и „куда", съ прибавленіемъ одного изъ прилагательныхъ или мѣстоименій, ученикамъ уже извѣстныхъ. Далѣе идетъ исправленіе цѣлымъ классомъ этой работы, причемъ учитель обращаетъ особое вниманіе не на орѳографію, имѣющую для инородца, изучающаго русскій языкъ, второстепенное значеніе, а на правильность записи словъ и на умѣнье пользоваться русскими словами и оборотами. Учитель стремится,

такимъ образомъ, заставить ученика—думать по-русски: — направляетъ мысль ученика, прежде всего, на значеніе словъ, обогащаетъ умъ дѣтей образами. Поэтому, вопросы учителя при этой работѣ, клонящіеся къ развитію дѣтей и обогащающіе ихъ образами русской рѣчи, какъ, напримѣръ: „когда садятъ капусту", „когда она созрѣваетъ" и подобные—будутъ умѣстнѣе вопросовъ: когда пишется „ѣ" и когда „е". Орѳографія должна уступить здѣсь мѣсто развитію ученика.

Эти уроки продолжаются 30—40 минутъ. Когда ученики не умѣютъ читать и писать, соотвѣтствующія мѣста изъ урока—опускаются. Подборъ грамматическихъ темъ долженъ соотвѣтствовать русской грамматикѣ и быть послѣдовательнымъ.

Разговорный урокъ долженъ оставаться частью преподаванія русскаго языка во все время пребыванія учениковъ-инородцевъ въ школѣ, хотя-бы оно продолжалось пять—шесть лѣтъ.

Грамматическія темы тогда могутъ браться изъ Синтаксиса, а словесный матеріалъ подбираться изъ статей научнаго содержанія, или изъ стихотвореній. Разговорный урокъ тогда явится дополненіемъ къ объяснительному чтенію, какъ упражненіе для осмысленнаго усвоенія оборотовъ и словъ литературнаго языка; при этомъ можетъ быть отведено подобающее мѣсто выясненію и научныхъ терминовъ, и образныхъ и синонимическихъ выраженій. Два, три разговорныхъ урока, содержаніе и грамматическія темы которыхъ взяты изъ подлежащаго заучиванію стихотворенія, отлично подготовятъ и осмыслятъ это заучиваніе и сдѣлаютъ его дѣйствительно полезнымъ, какъ для изученія русскаго языка, такъ и для развитія изящнаго вкуса и любви къ русскому языку и русской литературѣ. Учитель не долженъ жалѣть времени, употребленнаго на разговорные уроки,—время это всегда употребляется не безъ пользы. Лучше меньше прочитывать статей и писать диктовокъ, чѣмъ сокращать время, отведенное для разговорныхъ уроковъ.

Б. Чтеніе русской книги.

Этому роду занятій отводится часъ или даже два—ежедневно. Сначала статья прочитывается учителемъ цѣликомъ; ученики читаютъ статью за учителемъ частями, или пофразно; трудно произносимыя слова повторяются хоромъ. Учитель объясняетъ отдѣльныя слова и фразы натуральнымъ методомъ. Значеніе трудныхъ

словъ и выраженій поясняется примѣрами. Если статья содержитъ много непонятныхъ словъ, напримѣръ, около $^1/_3$, то предварительное изученіе и выясненіе ихъ производится на разговорныхъ урокахъ. Далѣе слѣдуетъ усвоеніе оборотовъ русской рѣчи. Каждое непонятное выраженіе читаемой статьи становится предметомъ отдѣльнаго упражненія: „на столѣ“, „у стола“, „на стулѣ“, „у стула“, „на заборѣ“, „у забора“, „на деревѣ“, „у дерева“. Разговорные уроки при чтеніи русской книги являются частью этого предмета.

Такъ какъ грамматики въ началѣ обученія не проходятъ, то усвоеніе оборотовъ русской рѣчи производится практически, путемъ повтореній и упражненій.

Наконецъ, переходятъ къ строю русской рѣчи. Упражненія въ изученіи строя русской рѣчи ведутся при пересказѣ статьи въ слѣдующемъ порядкѣ. За изученіемъ всѣхъ отдѣльныхъ словъ и нѣкоторыхъ оборотовъ статьи слѣдуетъ пересказъ ея по-русски. При этомъ надо избѣгать—заучивать статью наизусть, что часто бываетъ въ инородческихъ школахъ: лучше ограничиться двумя, тремя фразами, извлеченными изъ статьи, чѣмъ заучивать наизусть всю статью.

В. Диктовка.

Нѣкоторые учителя не въ мѣру увлекаются орѳографіей. Орѳографія не должна идти впереди развитія ребенка, а должна слѣдовать за нимъ, т. е., на каждой ступени общаго развитія и изученія русскаго языка есть опредѣленный предѣлъ знаній по орѳографіи, который нельзя переходить безъ вреда для правильнаго развитія учениковъ. Принятая у насъ диктовка представляетъ собою искусственный наборъ или комбинацію словъ и фразъ, ничѣмъ не связанныхъ. Крестьянскимъ дѣтямъ полезнѣе и необходимѣе знаніе русскаго языка въ смыслѣ пониманія оттѣнковъ значенія словъ, пониманія переносныхъ ихъ значеній, усвоеніе синтаксиса сложнаго предложенія и періодической рѣчи, необходимыхъ для чтенія книгъ, чѣмъ умѣнье ставить въ окончаніи множественнаго числа прилагательныхъ „е“ и „я“. Въ отношеніи инородцевъ особенно нужно быть не требовательнымъ къ орѳографіи и возможно внимательнымъ въ отношеніи языка—знанія точнаго значенія словъ и русскихъ оборотовъ.

Послѣ объяснительнаго чтенія учитель долженъ дать дѣтямъ письменную работу: письменный пересказъ прочитанной статьи, отвѣты на вопросы статьи и проч. Для инородцевъ, въ цѣляхъ твердаго запоминанія объясненій русскихъ словъ и выраженій, которыя были сдѣланы во время чтенія статьи, рекомендуется дѣлать предметную диктовку. Ведется она такъ: послѣ прочтенія статьи, напримѣръ,—„Пѣтухъ, собака и лисица", учитель диктуетъ ученикамъ: собака, собачій лай, собачка, собачонка, собачникъ. Пѣтухъ, пѣтушокъ, пѣть, пѣсня, пѣніе, пѣвчій, или фразы: собака лаетъ, раздался громкій сабачій лай. Людей, которые держатъ много собакъ, называютъ собачниками. Подобная диктовка, находящаяся въ связи съ прочитанной и объясненной статьей, дастъ возможность учителю заставить учениковъ упомнить объясненія, сдѣланныя при чтеніи, и можетъ служить развивающимъ упражненіемъ, особенно, если ученики будутъ участвовать въ составленіи диктуемыхъ фразъ, и если учитель слегка видоизмѣнитъ прочитанныя фразы. Иногда учитель вмѣсто диктанта самъ пишетъ на доскѣ заученныя фразы, а ученики списываютъ ихъ.

Въ Казанской учительской семинаріи, по свидѣтельству Н. А. Бобровникова, при изученіи русскаго языка инородцами, ко всему изложенному выше присоединяется еще—переводъ прочитанной статьи на инородческій языкъ и пересказъ этой статьи не только по-русски, но и по-инородчески. Эту излишнюю работу, на основаніи вышеизложенныхъ соображеній, я признаю тормозящей только правильное и осмысленное изученіе русскаго языка натуральнымъ методомъ.

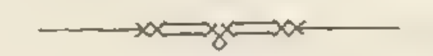
Итакъ, усвоеніе русскаго языка инородцами достигается разговорными уроками, объяснительнымъ чтеніемъ и предметной диктовкой, проводимыми исключительно натуральнымъ методомъ.

Лучшимъ пособіемъ для учителя при изученіи инородцами русскаго языка и обученіи ихъ русскому чтенію могутъ служить слѣдующія книги, составленныя К. Ф. Шельцелемъ: 1) Методическое руководство для первоначальнаго обученія русскому языку въ инородческихъ школахъ по натуральному методу. Изд. 6-е, ч. I. Въ 5 изд. допущ. учен. Комитетомъ М. Н. Пр. 2). Методическое руководство для первоначальнаго обученія русскому языку въ инородческихъ школахъ по натуральному методу, часть II.

Для учениковъ: 1) Русская азбука. Учебникъ, примѣненный къ обученію русскому языку въ инородческихъ школахъ, съ уда-

реніями, картинами и прописями. Допущена Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. 2) Книга для чтенія. Часть I. Учебникъ, примѣненный къ обученію русскому языку въ инородческихъ школахъ. Со многими рисунками и задачами для самостоятельныхъ упражненій: 3) Книга для чтенія. Часть II. Г. Одесса, Книжный магазинъ Е. П. Распопова.

При обученіи инородцевъ русскому языку и русскому чтенію по переводно-натуральному методу можно рекомендовать слѣдующія книги, составленныя И. С. Михеевымъ: 1) Первая книга для обученія русскому языку въ инородческихъ школахъ, 6-е изд. 2) Руководство къ веденію разговорныхъ уроковъ по русскому языку въ инородческихъ школахъ, 3-е взданіе. 3) Вторая книга для обученія русскому языку въ инородческихъ школахъ, 4-е вновь переработанное изданіе. 4) Толкователь словъ и выраженій, встрѣчающихся въ книгахъ для обученія русскому языку въ инородческихъ школахъ. 5) Руководство ко второй книгѣ для обученія русскому языку въ инородческихъ школахъ. 6) Третья книга для обученія русскому языку въ инородческихъ школахъ, 4-е изд. 7) Четвертая книга для обученія русскому языку въ инородческихъ школахъ, 2-е изданіе. Печатаются и скоро будутъ изданы того же автора стѣнныя картины—для веденія разговорныхъ уроковъ и предметныхъ бесѣдъ въ русскихъ и инородческихъ школахъ. Для 1-го года обученія 14 картинъ, для 2-го года обученія 12 картинъ. Адресъ: Главный складъ въ книжномъ магазинѣ Маркелова и Шаронова, въ Казани, противъ Университета.

Глава V.

О церковномъ Богослуженіи, совершаемомъ на инородческомъ языкѣ. — Какой національности должны быть преподаватели инородческихъ школъ. Проявляется-ли въ настоящее время сепаратистское движеніе среди инородцевъ и особенно татаръ.

Вопросъ о томъ, на какомъ языкѣ совершать церковное Богослуженіе для инородцевъ — на ихъ родномъ языкѣ, или на общемъ для всѣхъ православныхъ русскихъ языкѣ — церковно-

славянскомъ — является вопросомъ спорнымъ и рѣшается въ настоящее время разно. Одни стоятъ за родной языкъ инородцевъ, другіе, напротивъ, только за церковно-славянскій.

Еще не такъ давно Епископъ Хрисанѳъ писалъ, что переводы книгъ на корейскій языкъ вредны, такъ какъ они мѣшаютъ обрусенію.

Лучшими учителями для корейцевъ, по утвержденію того же Епископа Хрисанѳа, основанному, несомнѣнно, на практикѣ и опытѣ его миссіонерской дѣятельности,—были русскіе, совершенно не знающіе корейскаго языка; — лучшими священниками — тоже русскіе, или, если корейцы, то не употребляющіе, или не знающіе родного языка.

Этого же взгляда придерживаются и другіе іерархи нашей русской Церкви, лично и мнѣ извѣстные, которые не могутъ безъ волненія и возмущенія говорить о Богослуженіи, совершаемомъ на инородческихъ языкахъ — скудныхъ, ограниченныхъ, младенческихъ, неспособныхъ передать даже приблизительно нашего высоко-художественнаго, богатаго мыслями и содержаніемъ, церковнаго Богослуженія и тѣхъ высокихъ христіанскихъ истинъ, какія заключаются въ немъ: почему часто переводъ Богослуженія на эти языки доходитъ до такой простоты, грубости, а иногда и кощунственности, что лучше было бы и не пользоваться имъ.

Да и самъ Н. И. Ильминскій сознавалъ, что даже на татарскомъ языкѣ, хотя и далеко нехристіанскомъ, но все же побогаче другихъ инородческихъ языковъ,—совсѣмъ нельзя передать нѣкоторыхъ христіанскихъ истинъ во всей силѣ и полнотѣ ихъ, и если находилъ необходимость въ переводѣ Богослуженія на эти языки, то дѣлалъ это только потому, что другого средства, другого способа пріобщить этихъ „малыхъ сихъ" къ православной Церкви у него не было.

Русскаго языка татары, какъ и другіе инородцы, обучающіеся въ школѣ, изучить не могли настолько, чтобы хотя отчасти понимать православное Богослуженіе, тѣмъ болѣе, не знали и славянскаго языка; поэтому приходилось ему прибѣгать къ этому послѣднему средству, къ родному ихъ языку, и именно—къ тому нарѣчію, на которомъ они говорили въ своей обыденной жизни, а не къ литературному татарскому языку, котораго простые татары совершенно не знаютъ.—Испещренный многими арабскими

и персидскими словами и оборотами, этотъ языкъ и въ настоящее время является достояніемъ лишь образованныхъ татаръ".

Но и это Богослуженіе, переведенное на младенческое нарѣчіе татаръ, оказало такое благотворное вліяніе на душу и сердце въ дѣлѣ вѣры еще младенцевъ-магометанъ, что сдѣлало ихъ христіанами. Поэтому, отрицать это могучее вліяніе церковнаго Богослуженія, совершаемаго на родномъ языкѣ инородцевъ, нельзя. Если мы этого не скажемъ, то „камни возопіютъ" о томъ.

И дѣйствительно, просвѣщеніе инородцевъ, во время апостольской дѣятельности Н. И. Ильминскаго, пошло быстро впередъ, число искренно и сознательно увѣровавшихъ во Христа мусульманъ и язычниковъ росло, храмы строились повсюду и были полны богомольцами,—только благодаря его переводческой дѣятельности.

Младенческій, простой, по мѣстамъ грубый, переводъ нашего величественнаго и высокаго по содержанію и мыслямъ Богослуженія все-таки сдѣлалъ свое дѣло, исполнилъ высокую миссію—просвѣщенія младенствующихъ инородцевъ свѣтомъ Христова ученія, хотя многаго, и очень многаго, изъ нашего Богослуженія они не понимали, потому что нельзя было передать полнаго содержанія на ихъ языкѣ.

Но и это немногое, и эти маленькія искорки большого, пламенѣющаго сильнымъ огнемъ, костра, зажгли въ сердцѣ инородца любовь къ Православной Церкви, озарили его душу свѣтомъ Евангельскаго ученія, ввели его, блуждающаго во тьмѣ и сѣни смертнѣй, въ свѣтлую и чистую храмину Дома Божьяго—Святую Церковь.

Да, Н. И. Ильминскій былъ совершенно правъ, когда писалъ о татарскомъ Богослуженіи, что оно „звучитъ особыми тонами, влекущими, плѣняющими", какихъ не услышалъ бы татаринъ за Богослуженіемъ, совершаемымъ не на его языкѣ (славянскомъ) и не природнымъ татариномъ, и не потому, что онъ, сдѣлавшись христіаниномъ, продолжаетъ ненавидѣть этотъ языкъ, а потому, что онъ его не знаетъ и не понимаетъ.

Да, школа успѣла пріобщить инородца къ Церкви на его родномъ языкѣ, но не дала ему знанія чужого для него языка—русскаго, не сумѣла пріобщить его къ русскому народу и его культурѣ, и тѣмъ лишила возможности наслаждаться „влекущими и плѣняющими тонами" церковнаго Богослуженія, совершаемаго на языкѣ этого народа.—Въ этомъ, по моему мнѣнію, и заключается грѣхъ нашей школы.

Надо быть самому въ храмѣ, въ которомъ совершается Богослуженіе на инородческомъ языкѣ, чтобы видѣть, какъ инородцы безучастны къ Богослуженію, когда священникъ читаетъ, а пѣвчіе поютъ нѣкоторыя молитвословія на церковно-славянскомъ языкѣ,—и, наооборотъ, съ какимъ трогательнымъ умиленіемъ и искренней вѣрой они молятся, когда пѣвчіе запоютъ „по-ихнему“, по-инородчески. „Вездѣ и у всѣхъ инородцевъ единоплеменный священникъ и Богослуженіе, и поученіе на языкѣ родномъ производятъ на инородческихъ прихожанъ дѣйствіе пробуждающее и оживляющее. Родные звуки, даже сами по себѣ, бьютъ прямо въ созвучныя струны сердца. Доселѣ крещеные инородцы, можно сказать, спали или лучше, по - Евангельски: сидѣли (т. е. даже и ощупью не бродили) во тьмѣ и сѣни смертнѣй; теперь занимается заря, начинаютъ люди пробуждаться. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже замѣтно радостное чувство и оживленіе въ инородческихъ, даже глухихъ мѣстностяхъ. И думается, что это не блуждающіе огоньки, не мимолетный блескъ молніи, а настаетъ настоящій день, сіяетъ надъ темной долиной инородчества Солнце Правды. Христосъ Воскресе! Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его,—враги вѣры и отечества“. (Изъ письма Н. И. Ильминскаго къ К. П. Побѣдоносцеву, отъ 11 апрѣля 1883 года, въ день Св. Варсонофія, одного изъ первыхъ просвѣтителей темнаго царства Казанскаго).

„Всѣ, имѣвшіе случай посѣщать центральную крещенотатарскую школу и слышать въ церкви ея Богослуженіе и пѣніе на татарскомъ языкѣ“, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Н. И. Ильминскомъ К. П. Побѣдоносцевъ („Русскій Вѣстникъ“, февр., 1892 г.),—„выносили оттуда истинную, восторженную радость русскаго сердца о томъ, чего могутъ достигнуть русскіе люди, связуемые любовью“.

„Всѣ русскіе, слыхавшіе инородческое пѣніе, бывали поражены тою искреннею, трогательною задушевностью, простою молитвенностью, которыя, къ сожалѣнію, такъ рѣдко можно встрѣтить въ русскихъ церквахъ. Этотъ характеръ исполненія, происходящій, несомнѣнно, отъ самаго сердца, самой теплой искренней вѣры, отъ радости пѣть на своемъ языкѣ, отъ умиленія слышать родную рѣчь въ Церкви — эти дорогія условія инородцевъ есть та почва, на которой должны быть посѣяны самыя лучшія сѣмена Церкви—свѣта и добра“.

Въ такихъ теплыхъ выраженіяхъ отзывался объ инородческомъ Богослуженіи и церковномъ пѣніи въ церквахъ приволжскихъ инородцевъ—бывшій директоръ Московской Синодальной Капеллы и Управляющій Придворною Капеллой, недавно (1909 г.) скончавшійся Ст. Вас. Смоленскій.

И если крещеный татаринъ такъ умиляется Богослуженіемъ, совершаемымъ на его скудномъ, младенческомъ нарѣчіи, то можно представить себѣ, какое сильное вліяніе будетъ оказывать Богослуженіе на него, уже обращеннаго ко Христу и пріобщеннаго къ русскому образованію, когда онъ будетъ понимать и чувствовать силу и прелесть русскаго языка, красоту и величіе славянскаго языка, даже въ нѣкоторой части Богослуженія, доступной его пониманію.

Первое Богослуженіе на татарскомъ языкѣ въ церкви Казанской крещено-татарской школы, въ 1867 году, совершилъ Алтайскій миссіонеръ Іеромонахъ Макарій (нынѣ Митрополитъ Московскій и Коломенскій). Пребываніе въ Казани Алтайскаго миссіонера упрочило въ Казанской школѣ Богослуженіе на татарскомъ языкѣ. Скоро, по примѣру Казани, стали совершать Богослуженіе на инородческихъ языкахъ и въ другихъ мѣстахъ Приволжскаго края.

Итакъ, Н. И. Ильминскій заложилъ фундаментъ христіанскаго просвѣщенія инородцевъ, мы-же должны на этомъ крѣпкомъ фундаментѣ воздвигнуть зданіе русскаго образованія ихъ. Онъ пріобщилъ инородцевъ къ Церкви Святой и Вѣрѣ Православной путемъ родного ихъ языка; мы же должны пріобщить инородцевъ къ русскому народу, его литературѣ, культурѣ и государственности путемъ русскаго языка, дабы прославлять Бога вмѣстѣ съ ними не только единымъ сердцемъ, но и едиными устами, и быть братьями съ ними и по духу.

Поэтому, пока инородцы наши не пріобщены къ русскому народу, пока изученіе ими русскаго языка въ школахъ не будетъ поставлено раціонально, и такъ, чтобы они, выйдя изъ школы, дѣйствительно говорили и думали на немъ, до тѣхъ поръ единственнымъ средствомъ пріобщенія ихъ къ Церкви будетъ оставаться ихъ родной языкъ, съ помощью котораго возможно исповѣдывать вмѣстѣ съ ними Истиннаго Бога, если не едиными устами, то единымъ сердцемъ; при этомъ лучшими и единственными проводниками христіанства въ жизнь инородцевъ путемъ церковнаго Богослуженія, обязательно совершаемаго на родномъ

языкѣ, проповѣди и преподаванія Закона Божія, проводимыхъ на ихъ же языкахъ—могутъ быть только лица единоплеменныя имъ, какъ болѣе имъ родственныя и сочувственныя.

Конечно, въ интересахъ скорѣйшаго обрусенія инородцевъ весьма желательно, чтобы священниками въ инородческихъ приходахъ были русскіе, знающіе инородческій языкъ, но такихъ людей у насъ очень мало, а создать ихъ очень трудно, такъ какъ русскому, по крайней мѣрѣ, взрослому, по словамъ Н. И. Ильминскаго, „почти невозможно достигнуть совершеннаго знанія инородческаго языка: въ Богослуженіи онъ выдаетъ себя акцентомъ, не яснымъ правильнымъ произношеніемъ словъ, и можетъ производить невыгодное, хорошо еще, если не комическое впечатлѣніе на присутствующихъ въ церкви инородцевъ, особенно не совсѣмъ твердыхъ въ вѣрѣ и церковности". Почтенный языковѣдъ, поэтому, даже предостерегалъ русскихъ знатоковъ инородческихъ нарѣчій, чтобы они не очень храбро брались читать и говорить на этихъ нарѣчіяхъ. „Даже при отличномъ знаніи языка, русскіе священники и учителя", по мнѣнію Н. И. Ильминскаго, „не могутъ такъ успѣшно дѣйствовать на инородческое населеніе, какъ природные инородцы".

Въ виду этого надо признать, что священниками инородческихъ приходовъ и законоучителями инородческихъ школъ должны быть непремѣнно инородцы и только въ крайнемъ случаѣ лица, хорошо и дѣйствительно знающіе инородческій языкъ. Нужно, чтобы эти дѣятели были людьми преданными своему народу и явились среди самаго народа, какъ, напримѣръ, о. Василій Тимоѳеевичъ Тимофеевъ,— постепенно пріобрѣтая довѣріе своего народа успѣхами и добрымъ направленіемъ ученія. Что же касается учителей инородческихъ школъ, то таковыми могутъ быть и русскіе, совершенно не знающіе инородческаго языка, если они будутъ вести обученіе грамотѣ инородцевъ натуральнымъ методомъ, или инородцы, но хорошо и дѣйствительно знающіе русскій языкъ, преподаваніе котораго должно вести исключительно по натуральному методу, не прибѣгая къ родному нарѣчію учащихся; только при исполненіи этихъ условій возможно будетъ осуществить вторую, но важную цѣль инородческой школы—пріобщеніе инородцевъ къ русской культурѣ.

Пора, наконецъ, обратить самое серьезное вниманіе на раціональную постановку преподаванія русскаго языка, который,

надо сознаться, въ настоящее время изучаютъ въ инородческихъ школахъ лишь механически.

Оканчивающіе школу инородцы не только не думаютъ, но и не говорятъ по-русски; объяснить это печальное явленіе возможно, отчасти незнаніемъ русскаго языка учителями инородцами, а, главнымъ образомъ, неправильной постановкой преподаванія этого предмета въ инородческихъ школахъ.

Занятія по русскому языку, основанныя на переводѣ, которымъ только и пользуются въ настоящее время учителя-инородцы—однообразны, скучны, утомительны и совершенно безполезны. Присоединивъ къ этому неправильную постановку въ настоящее время преподаванія Закона Божія въ инородческихъ школахъ и незнаніе языка самими учителями, я спрашиваю: возможно-ли при такихъ условіяхъ выполнить важную и трудную задачу инородческой школы—заставить учениковъ „говорить и думать по-русски", возбудить въ нихъ любовь къ русскому народу, его языку, обычаямъ, культурѣ и, наконецъ, государственности?

Не удивительно послѣ сего услышать, что инородцы все дальше и дальше отходятъ отъ нашей Церкви и отъ русскаго народа и приближаются—одни изъ нихъ,—бывшіе Мухаммедане—къ мечети и муллѣ, другіе,—бывшіе язычники,—становятся поклонниками кереметей, которымъ вновь приносятъ жертвы семейныя и общественныя.

Не надо, наконецъ, забывать и того, что инородцы Восточной Россіи, особенно татары, обособляющіеся, такимъ образомъ, отъ всего русскаго—Церкви, народа и государства, хотя въ настоящее время и не думаютъ о своемъ самоопредѣленіи и, вообще, среди нихъ, этихъ простыхъ обывателей Приволжскихъ, Прикамскихъ, Уфимскихъ и Оренбургскихъ степей, пока не замѣтно сепаратистскаго движенія, но, зная настроеніе представителей этого народа и руководителей духовнаго и свѣтскаго образованія его,—могу съ увѣренностью сказать, что при дальнѣйшемъ равнодушномъ, скажу болѣе—халатномъ отношеніи нашемъ къ инородцамъ, особенно въ дѣлѣ христіанскаго просвѣщенія и русскаго образованія ихъ, вся эта масса тюркскаго племени*), по зову своихъ

*) Татаръ магометанъ въ Россіи всего въ настоящее время около 5-ти милліоновъ и почти столько же объединившихся съ ними инородцевъ,—слѣдовательно тѣхъ и другихъ—не менѣе 10-ти милліоновъ.

руководителей, въ благопріятный для нихъ моментъ, какъ одинъ— встанетъ противъ насъ.

Въ доказательство правильности этихъ доводовъ — привожу нѣсколько выдающихся фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что представители тюркскаго племени, заселяющаго Восточную часть Россіи, дѣйствительно стремятся къ самоопредѣленію этой націи и склонны къ сепаратизму.

Въ Казанскомъ Учебномъ Округѣ есть не менѣе полуторы тысячи медрессъ и мектебовъ; въ нихъ все преподаваніе цѣликомъ ведется на татарскомъ языкѣ, безъ всякаго со стороны правительства контроля. При десяткѣ, много двухъ медрессъ, существуютъ классы русскаго языка, посѣщеніе которыхъ не обязательно и которые дѣйствительно посѣщаются ничтожнымъ числомъ учащихся, притомъ въ свободное отъ мусульманскихъ занятій время.

Православный русскій подданный имѣетъ право содержать частныя учебныя заведенія, получивъ лишь законное разрѣшеніе, и подчиняется установленнымъ правиламъ и программамъ; магометане содержатъ тысячи учебныхъ заведеній, куда фактически не вхожа инспекція; такія училища и вовсе безъ преподаванія русскаго языка существуютъ и въ Казани.—(Изъ доклада С. В. Чичериной въ общество Востоковѣдѣнія: „Сотрудникъ"—№ 9,1910 г.).

Предсѣдатель спеціальнаго Совѣщанія по инородческому (мусульманскому) вопросу, бывшій Директоръ Департамента иностраннныхъ исповѣданій, Гофмейстеръ Харузинъ, открывая 12 января 1910 г. первое засѣданіе Совѣщанія, въ рѣчи своей, между прочимъ, сказалъ слѣдующее: „Происшедшія за послѣднее время перемѣны въ Турціи и Персіи не остались безъ вліянія на религіозныя и политическія воззрѣнія мусульманъ; стремленіе мусульманъ къ обновленію—двигается быстро впередъ и достигло уже до степени разрушенія старинныхъ устоевъ жизни; мусульмане усиленно стремятся къ просвѣщенію и цивилизаціи. Воскресивъ свои національныя традиціи, инородцы стремятся къ сепаратизму и усиленно работаютъ въ этомъ направленіи".

Членъ 3-й Государственной Думы Максудовъ, въ рѣчи своей, произнесенной 20 февраля 1910 года, сказалъ: „Мы, мусульмане, какъ особая національность, исповѣдующая исламъ, всегда будемъ стремиться къ тому, чтобы развивать свою литературу, развивать свой языкъ и, вообще, жить, какъ живутъ отдѣльныя національ-

ности—и постольку, поскольку это не противорѣчитъ нашему званію гражданина. Поэтому, господа, я предупреждаю Правительство, что всякія попытки бороться съ нашей національностью, *съ нашимъ національнымъ движеніемъ,* если таковое есть, *а, конечно, оно существуетъ,* будутъ тщетны, борьба противъ національности будетъ пониматься и, основательно, какъ борьба противъ нашей религіи".

О Красноярской русско-татарской школѣ, Астраханской губ., въ журналѣ „Сотрудникъ" № 24, 1910 г.—читаемъ: „Чѣмъ дольше мнѣ приходится изучать движеніе среди россійскихъ мусульманъ, тѣмъ къ болѣе неуклонному убѣжденію можно прійти, что многочисленныя въ настоящее время мусульманскія благотворительныя и просвѣтительныя общества суть не что иное, какъ прочныя, солидныя національно-политическія организаціи, обладающія громадными средствами и имѣющія своей задачей, въ противовѣсъ правительственнымъ школамъ, создать свои національныя, дабы чрезъ эти школы воздѣйствовать на массы мусульманскаго населенія и объединить всѣхъ россійскихъ мусульманъ въ одну компактную массу, подъ знаменемъ мусульманской культуры и единаго тюркскаго языка".

Насколько татары озлоблены ко всему русскому—видно изъ слѣдующаго факта: какъ извѣстно, арабскія буквы гораздо хуже русскихъ передаютъ звуки татарскаго языка; русскій алфавитъ при извѣстныхъ техническихъ приспособленіяхъ къ татарской фонетикѣ можетъ несравненно точнѣе передавать татарскія слова. На этомъ основаніи и научныя изданія Академіи Наукъ и Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ печатаются русскимъ шрифтомъ, а не арабскимъ.—Татары изъ озлобленія ко всему русскому, несмотря на то, что арабскаго алфавита многіе не знаютъ и что русскій алфавитъ несравненно удобнѣе перваго, все-таки печатаютъ свои сочиненія на татарскомъ языкѣ непремѣнно арабскими буквами.

Полагаю, что приведенные мною факты, такъ ярко иллюстрирующіе настроеніе вождей сепаратистскаго движенія татаръ, а вмѣстѣ съ ними и другихъ инородцевъ Восточной Россіи, должны убѣдить насъ въ томъ, что политическое положеніе Восточной окраины Россіи не совсѣмъ благополучно, и что мѣры, принимаемыя въ настоящее време школой въ противовѣсъ этому движенію, не достаточны.

Въ дѣлѣ просвѣщенія инородцевъ Свѣтомъ Евангельскаго ученія мы упустили изъ рукъ ничѣмъ пока незамѣнимую систему Н. И. Ильминскаго, по которой христіанское воспитаніе инородцевъ должно вестись при помощи изученія Закона Божія исключительно на ихъ родномъ языкѣ; частичное, въ теченіе только двухъ лѣтъ, выполненіе этой системы, какъ это принято въ настоящее время въ инородческихъ школахъ, не оказываетъ почти никакого вліянія на христіанское развитіе инородцевъ.

Если мусульмане, приспособляя систему Н. И. Ильминскаго къ татарскимъ чисто политическимъ проэктамъ воспитанія своихъ дѣтей въ школѣ, находятъ ее наилучшей и пользуются ею для татаризаціи инородческихъ школъ, то намъ не воспользоваться этой системой для тѣхъ же воспитательныхъ цѣлей инородцевъ будетъ стыдно и грѣшно!

„Правильно говорилъ Ильминскій“,—пишутъ сами-же татары въ своей газетѣ—Юлдузъ—№ 520, „что всякому инородцу хорошо обученіе вѣрѣ Христовой, молитвамъ и церковной службѣ на родномъ языкѣ, ибо въ такомъ случаѣ они скоро научаются и пріобрѣтаютъ любовь“.

На этомъ основаніи татары „признаютъ необходимость трехлѣтняго обученія на материнскомъ языкѣ и лишь въ 4-й годъ обученія вводятъ обще-тюркскій языкъ, какъ такой, на которомъ можно съ пользою для дѣла вести обученіе“.

Что-же касается образованія инородцевъ, т. е., изученія ими русскаго языка, изученія русской грамоты и, вообще, воспитанія ихъ въ духѣ русской національности, то и оно поставлено у насъ въ инородческихъ школахъ не раціонально. Насколько полезенъ и необходимъ пока родной, материнскій языкъ инородцевъ въ дѣлѣ христіанскаго просвѣщенія ихъ, настолько неумѣстенъ, безполезенъ и даже вреденъ онъ при изученіи инородцами языка русскаго, при чтеніи ими русской книги и, вообще, для конечной цѣли инородческой школы—пріобщенія инородцевъ къ русской культурѣ.

Поэтому, принимая во вниманіе, съ одной стороны—стремленіе представителей мусульманскаго племени къ національному самоопредѣленію, каковое, несомнѣнно, ведетъ и къ сепаратизму, съ другой стороны—констатируя фактъ ненормальнаго положенія дѣла просвѣщенія инородцевъ въ настоящее время и нераціональной постановки русскаго образованія ихъ въ инородческихъ

школахъ, въ цѣляхъ противодѣйствія сему движенію и пріобщенія ихъ къ Церкви и Государству,—надлежитъ въ дѣлѣ просвѣщенія инородцевъ неуклонно руководствоваться системой Н. И. Ильминскаго не два только года, а все время обученія ихъ въ школѣ, съ тѣмъ, однако, непремѣннымъ условіемъ, чтобы при изученіи инородцами русскаго языка и, вообще, при обученіи ихъ грамотѣ, не прибѣгать къ родному языку учащихся, а пользоваться исключительно языкомъ русскимъ.

Въ священной книгѣ Ветхаго Завѣта „Псалтирь" есть пророчество Св. Давида: „Милость и истина срѣтостѣся, правда и миръ облобызастася". (Псал. 84, 11).

Безпримѣрная по своей исключительной обстановкѣ встрѣча Милости и Истины, Правды и Мира совершилась тогда, когда „Истина отъ земли возсія, и Правда съ Небесе приниче; Истина воплотилась, и Богъ Слово сталъ Истиннымъ Человѣкомъ, а Правда-Божество приникла съ Неба. Эта встрѣча, имѣвшая мѣсто въ исторіи жизни людей однажды, въ своемъ существѣ повторяется. Мы, русскіе — православные люди, послѣдователи Воплотившагося Бога Слова, можемъ встрѣтиться съ инородцами-магометанами и язычниками только на пути нашего общаго Просвѣщенія Свѣтомъ Христова ученія и объединиться съ ними на принесенной на землю Вѣчной Правдою христіанской Любви, которая и послужитъ единственнымъ и вѣрнымъ залогомъ мира и нашего общаго съ ними благополучія на русской землѣ.

Заключеніе.

Заканчивая настоящій докладъ, формулирую все сказанное въ немъ слѣдующими положеніями, являющимися, по моему мнѣнію, основными въ постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла всѣхъ инородческихъ школъ Восточной Россіи.

1. Главная забота учащихъ инородческихъ школъ должна быть направлена на религіозно-нравственное развитіе учащихся.

Воспитательная сторона школы должна быть доминирующей и проводиться въ продолженіе всего четырехлѣтняго курса обу-

ченія инородцевъ въ школѣ такъ же, какъ и началась, т. е., путемъ бесѣдъ религіозно-нравственнаго характера, изученія молитвъ, прохожденія всего курса Закона Божія, пѣнія и совершенія Богослуженія исключительно и непремѣнно на родномъ, материнскомъ языкѣ учащихся.

Сообщеніе ученикамъ правилъ школьной жизни, знакомство учениковъ съ порядками и обрядами русской жизни и, вообще, сообщеніе всего того, что относится къ воспитательной части школы, должно производиться на родномъ языкѣ учащихся, если не всѣ четыре года обученія ихъ въ школѣ, то, по крайней мѣрѣ, до того времени, когда ученики-инородцы основательно познакомятся съ русскимъ языкомъ и достаточно навыкнутъ въ русскомъ чтеніи.

Выполнивъ эту первую и самую главную задачу инородческой школы, учащіе въ ней достигнутъ намѣченной цѣли: пріобщатъ дѣтей инородцевъ къ Церкви, сдѣлаютъ ихъ сознательными членами ея, возбудятъ любовь къ ней...

Въ противномъ случаѣ, ученики-инородцы, не получивъ надлежащаго христіанскаго воспитанія, а таковое въ короткій срокъ не возможно дать на чужомъ языкѣ, останутся язычествующими, и, такимъ образомъ, попрежнему будутъ обречены на блужданіе „во тьмѣ и сѣни смертнѣй".

Чтобы инородческія школы Уфимской епархіи имѣли достаточно подготовленныхъ законоучителей для выполненія указанныхъ въ первомъ пунктѣ положеній, надлежитъ ввести на курсахъ, открытыхъ при Подлубовской второклассной школѣ для приготовленія псаломщиковъ-законоучителей, преподаваніе инородческихъ языковъ, а также изученіе и опроверженіе ислама, что въ высшей степени необходимо имъ, какъ будущимъ законоучителямъ инородческихъ школъ епархіи и сотрудникамъ приходскихъ священниковъ въ дѣлѣ миссіи.

2. Господствующимъ языкомъ въ школѣ, кромѣ уроковъ Закона Божія и воспитанія дѣтей, долженъ быть языкъ русскій, который долженъ стоять на первомъ мѣстѣ, рядомъ съ Закономъ Божіимъ, и имѣть первостепенное значеніе.

Для достиженія этой цѣли необходимо исключить изъ программы инородческихъ школъ—родной языкъ учащихся, какъ лишній балластъ, оставляя его въ качествѣ преподавательскаго только на урокахъ Закона Божія, для цѣлей чисто воспитательныхъ.

3. Обученіе инородцевъ русскому языку и русскому чтенію производить безъ помощи инородческаго языка—натуральнымъ методомъ, всѣ четыре года обученія инородцевъ въ школѣ.

4. Обученіе инородцевъ грамотѣ начинать сразу съ изученія русскаго алфавита, а не съ инородческаго, предваряя эти занятія разговорными уроками по русскому языку, проводимыми такъ-же натуральнымъ методомъ,—для изученія словъ и краткихъ фразъ, необходимыхъ при прохожденіи русскаго алфавита.

5. Переходъ къ чтенію книгъ инородческихъ, относящихся къ преподаванію Закона Божія и тѣсно связаннаго съ нимъ христіанскаго воспитанія инородцевъ, въ цѣляхъ достиженія учениками лучшихъ успѣховъ по этому предмету и для религіозно-нравственнаго усовершенствованія ихъ, — дѣлать по окончаніи изученія инородцами русскаго алфавита и послѣ извѣстнаго ряда упражненій въ русскомъ чтеніи, т. е., приблизительно въ концѣ второго года, или даже въ началѣ третьяго года обученія инородцевъ въ школѣ. Для этой цѣли достаточно указать дѣтямъ различіе въ написаніи несходныхъ буквъ русскихъ съ инородческими, какъ это мы дѣлаемъ при переходѣ съ русскаго чтенія на церковно-славянское въ русскихъ школахъ.

6. Удовлетворительные успѣхи инородцевъ въ русскомъ языкѣ могутъ быть достигнуты лишь при общемъ духовномъ пробужденіи дѣтей; поэтому, первое время должно заботиться о подъемѣ душевныхъ силъ ребенка, о пробужденіи въ нихъ религіознаго чувства путемъ бесѣдъ религіозно-нравственнаго характера на родномъ ихъ языкѣ. Предварительныя бесѣды законоучителя съ учениками на родномъ ихъ языкѣ, устраиваемыя въ инородческой школѣ для указанной выше цѣли, способствуютъ не только общему развитію дѣтей, но и подготовляютъ благопріятную почву къ болѣе осмысленному и сознательному изученію ими русскаго языка.

7. Изученіе русскаго языка инородцами вести параллельно съ обученіемъ ихъ русской грамотѣ.

8. Изученіе русскаго языка вести при помощи—разговорныхъ уроковъ, объяснительнаго чтенія и предметной диктовки, проводимыхъ исключительно методомъ натуральнымъ.

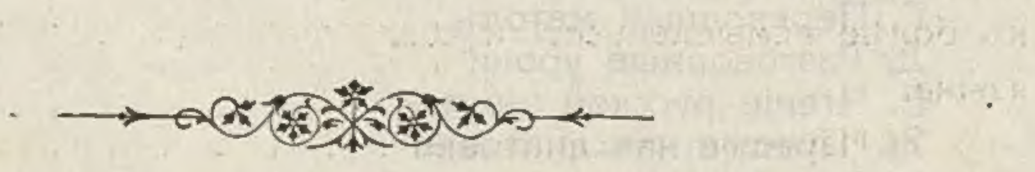
9. Лучшими законоучителями инородческихъ школъ и единственными проводниками христіанства въ жизнь инородцевъ, путемъ церковнаго Богослуженія, обязательно совершаемаго на род-

номъ ихъ языкѣ, проповѣди и преподаванія Закона Божія, проводимыхъ на инородческихъ языкахъ, могутъ быть только лица—единоплеменныя имъ, какъ болѣе родственныя и сочувственныя; но, въ крайнемъ случаѣ, и русскіе, хорошо и дѣйствительно знающіе инородческіе языки.

10. Учителями инородческихъ школъ должны быть: въ двухкомплектныхъ школахъ—одинъ инородецъ, другой обязательно русскій, совершенно не знающій мѣстнаго инородческаго языка, и въ однокомплектной, при законоучителѣ-инородцѣ, учитель можетъ быть также инородецъ, но хорошо и дѣйствительно знающій русскій языкъ.

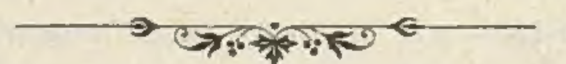
11. Типомъ инородческой школы долженъ быть типъ одноклассной церковно-приходской школы, но съ четырехгодичнымъ курсомъ и распредѣленіемъ всего учебнаго матеріала одноклассной церковно-приходской школы съ трехгодичнымъ курсомъ на четыре года.

12. Въ противовѣсъ стремленію представителей мусульманскаго племени къ національному самоопредѣленію, каковое, несомнѣнно, ведетъ и къ сепаратизму,—въ дѣлѣ христіанскаго просвѣщенія инородцевъ надлежитъ *неуклонно* руководствоваться системой незабвеннаго Апостола инородцевъ, Н. И. Ильминскаго, не два только года, а все время обученія инородцевъ въ школѣ, съ тѣмъ, однако, непремѣннымъ условіемъ, чтобы при изученіи инородцами русскаго языка и, вообще, при обученіи ихъ русской грамотѣ—пользоваться натуральнымъ методомъ и *совершенно* не прибѣгать къ родному языку учащихся, исключивъ его изъ программы.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ У АВТОРА:
г. УФА.

